

Белоснежный роман

Автор:

Татьяна Алюшина

Белоснежный роман

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

В тесном уютном мирке якутской гостиницы во время разыгравшегося бурана вспыхивает любовь между Настей и Максимом Вольским. Она – женственная, интеллигентная, из хорошей московской семьи с традициями, он – герой-вертолетчик, закаленный жизнью мужчина с внешностью бандита 90-х. Расследуя загадочное исчезновение одного из постояльцев, они многое узнают друг о друге и пытаются понять, что будет с их отношениями, когда закончится буран.

Татьяна Александровна Алюшина

Белоснежный роман

Роман

Моей сестричке Светлане, вдохновляющей меня на многое,

посвящается с любовью.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Алюшина Т., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

* * *

Аэропортик местный был небольшой, симпатичный и какой-то на удивление уютно-домашний; это ощущение домашности и невидимой приветливой улыбки Настасья еще по прилете отметила про себя и все непроизвольно улыбалась в ответ.

Расположился местный аэропорт, как и подобает, за городом, но виден был издали, приветливо и радостно посверкивая на солнышке чистенькими, свежотремонтированными фасадами, словно похваляясь новеньким праздничным нарядом.

Как объяснила ей Валерия Яковлевна, встречавшая ее, в прошлом году аэропорт отремонтировали основательно, что-то даже модернизировали в нем и в системах обслуживания, в свете каких-то там серьезных новых авиационных стандартов и требований, однако это все равно мера временная, поскольку требуется полная реконструкция по современным технологиям и параметрам. Что и планируется сделать в ближайшее же время.

– И уж стройку налаживают, видите там, – она указала рукой вправо за взлетную полосу на ангары и постройки. И похвалилась: – От так. А как же. И у нас тут цивилизация и эти самые, как их, господи прости, называют-то по-современному... – наморщила она лоб, вспоминая, и улыбнулась, таки

вспомнив, – инновации. О!

Рассказывала она про дела и новости городские обстоятельно, делилась с удовольствием, как человек, знающий, о чем говорит, и радующийся таким делам грядущим.

Впрочем, практически все жители этого маленького городишки про все, что происходило в нем, знали доподлинно и из первых рук, а сам мэр раз в неделю выступал по местному телевидению и подробно докладывал о городских делах.

В том, что любая информация распространяется здесь со скоростью лесного пожара, Насте пришлось удостовериться на собственном примере – стоило ей прилететь и поселиться в гостинице, как уже через час практически весь город был оповещен о том, кто она, откуда прибыла, по каким надобностям к кому приехала. О ней и цели ее приезда даже по радио передали в местных новостях, как о некоем важном событии.

Одуреть!

А еще здесь все здоровались друг с другом, даже незнакомые люди.

И улыбались при этом! Улыбались, представляете, радушно, открыто, словно ты их родственник любимый или давнишний друг-товарищ! Это вообще что-то, как в другое измерение попала.

Хотя... может, и попала. Тут вообще все не так, как в других краях, а уж тем более в столице. Она, столица та самая, дале-е-екая и важная, как-то там сама по себе важно раскинулась, а жизнь, насыщенная и настоящая, она вот здесь, например.

Север. Полярный круг. Якутия.

И этого Севера и Полярного круга с Арктикой за ним как-то очень до хрена, уж извините, и на-а-а-много побольше будет, чем какой-то там Москвы с Питером, вместе взятых, со всеми их понтами и представлениями о жизни.

Это не Настины мысли и высказывания, она в такие размышления не пускалась. Это практически прямая цитата из речи Темыча, как его все называли, соседа Валерии Яковлевны, разъясняющего со смешком, улыбочкой и проскальзывающим, завуалированным матком почти столичной Настасье реалии того непростого места, куда она попала.

Не в сказку, но близко.

За три дня пребывания она «калориту» этого, как говаривал тот же упомянутый сосед Валерии Яковлевны Темыч, набралась с лихвой и, знаете, с радостью – так ей нравились эти люди, их городишко, их жизнь. И это ощущение чего-то сильного, настоящего, мощь этого необъятного края, чувствуемая здесь во всем...

Что-то как-то ее того... занесло в непонятный пафос, или ей просто было здесь хорошо? И люди замечательные встречались – а, вот это точно! Или это от возникшей уверенности, что с ее важным, главным делом все обязательно сладится и получится наилучшим образом, раз за него взялась с таким энтузиазмом Валерия Яковлевна. Ладно, занесло и занесло. А насчет дела своего рановато она обрадовалась – непростое оно, дело это, времени и терпения требует. Посмотрим, как там будет и что получится.

Теперь она вот улетает.

Но утверждение «улетает» слишком оптимистичное, а произойдет ли это на самом деле, – под большим сомнением.

– Как бы погода не поменялась, – задумчиво произнесла Валерия Яковлевна, когда они прощались, тревожно глядя на горизонт.

Настя тоже посмотрела на горизонт следом за ней и ничего, кроме чистого синего бескрайнего высокого неба, не обнаружила.

– Суставы с утра крутит, – пояснила Валерия Яковлевна, – а это всегда к непогоде, резкой и затяжной. – И улыбнулась ободряюще: – Но, даст бог,

улетите, успеете.

Они очень тепло попрощались, наверное, в сотый раз напоследок обсудив их дело, и Настя отправилась в гостиницу собираться, а оттуда, вызвав такси, поехала в аэропорт.

Людей в зале ожидания оказалось неожиданно много.

Ну, как много – полным-полно! Все кресла были заняты как людьми, так и их вещами – чемоданами-баулами, и у стен кое-кто на своих вещах на полу пристроился сидеть, а то и спать. В единственном малюсеньком кафе выстроилась длинная очередь к прилавку, и все столики были плотно заняты людьми, которые явно надолго здесь обосновались.

Настя протиснулась между потоками мигрирующих по залу людей к экрану расписания и с унынием просмотрела информацию о задержке практически всех рейсов.

Ох, не зря у Валерии Яковлевны суставы крутит, ох, не зря!

Это она поняла еще по дороге в аэропорт, заметив из окна такси темную массу облаков, появившихся на горизонте, а ведь еще час назад небо было чистое, как слеза.

Но пока все было непонятно и туманно – на табло не высвечивалась информация, на сколько конкретно задерживают ее рейс, может, еще и улетит, хотя даже регистрацию не объявили.

Она покружила по залу, выглядывая, может, найдется где местечко, чтобы присесть. И все неосознанно поворачивалась назад, поглядывая время от времени на свой багаж, удивляясь, что как-то непривычно тянуть за собой лишь небольшой стильный чемоданчик на колесиках и не нужно бесконечно беспокоиться о хрупком, нежном и нестандартном грузе, суетясь вокруг него и по тысяче раз напоминая грузчикам, как с ним следует обращаться.

Сколько она с этим грузом пропутешествовала, намучившись, изнервничавшись вся от не проходящего ни на минутку переживания: как он там? Ну, тысячи

километров точно, через четыре города, в разных концах Якутии. А еще и до нее самой, до Республики Саха этой самой, загадочно-просторной добиралась.

А тут вдруг раз, и никаких напрягов – простой багажник, и все дела. Непривычно совсем и странновато как-то.

Но все, домой теперь. Ну, почти домой.

Настасья заприметила одно свободное кресло и торопливо принялась пробираться к нему через горы сумок, чемоданов, людей, ноги, играющих тут же детей, пока кто-то другой не опередил и не занял место.

На самом-то деле кресло было, скажем так, условно свободным, потому как в соседнем устроился сразу же не понравившийся и сильно настороживший ее индивид мужского пола – вытянув вперед и положив одна на другую ноги, скрестив руки на груди, засунув ладони в подмышки теплой летной куртки, в которую был облачен, укутавшись до макушки в поднятый меховой воротник, спал себе мирно здоровый такой мужик. А рядом с ним на соседнем сиденье, том самом, которое и присмотрела для себя Настена издалека, стояла здоровенная брезентовая сумища в форме вытянутого толстого цилиндра.

Такой армейский баул Настя однажды видела, когда к ним в институт прямо с аэродрома завалился муж ее коллеги, офицер каких-то там необыкновенных войск. Так вот у него был точно такой же цилиндр, он еще тогда объяснил заинтересовавшейся странной конструкцией Насте, что цилиндр этот можно носить как сумку, а можно и как рюкзак.

Очень удобно и все в нем, в этом чудо-бауле, продумано грамотно для укладки багажа. Муж коллеги еще долго расписывал какие-то еще там неоспоримые достоинства обыкновенного на вид тряпичного изделия, оказавшегося на удивление вместительным.

Вот перед такой вот цилиндрической штуковиной Настя и остановилась в некотором замешательстве.

Первым делом она попыталась воззвать к совести гражданина.

– Товарищ, – чуть наклонившись поближе, твердо обратилась она к спящему субъекту, не отреагировавшему на ее призыв. – Товарищ, – повторила Анастасия более настойчиво и даже руку протянула, но не рискнула все же его тормозить, лишь попросила довольно громко: – Будьте добры, уберите свои вещи с сиденья.

Ноль реакции. Собственно, что и требовалось ожидать.

– Ну, ладно, – пробурчала она еще более решительно и принялась стаскивать с кресла баул.

Получилось, разумеется, но оказалось тяжеловато. Что он туда насовал вообще? Вот что-то ей подсказывало, что вряд ли собрание сочинений Толстого Льва Николаевича или пару-тройку костюмов от итальянского Brioni и набор туфель ручной работы от Berluti.

Это она просто ворчала про себя и язвила от расстройства и постепенно крепнущего ощущения, что фиг она сегодня куда полетит, разве что вон мужик этот встрепенется ото сна и пошлет по конкретному направлению за такое самоуправство с его имуществом, да еще ускорения придаст пинками.

Все это невесело прокручивала в голове Настена, перетаскивая тяжелую сумищу с кресла на пол, крякнула тихонько от неожиданности, когда пришлось придержать баул в момент отрыва его от сиденья, быстренько стрельнула взглядом на мужика – не увидел ли, как она нелюбезно с его вещичками тут обращается.

Не, не увидел – спал себе, не обращая на ее возню никакого внимания.

Ну и хорошо, и спи, дядечка, чего уж теперь.

Она уселась на освободившееся место, огляделась по сторонам и осторожненько так ножкой, ножкой, чтобы никто не заметил, подвинула-подвинула конус баула в сторону мужика и тихо-о-онечко привалила его к бедру хозяина.

«Фу, ну все, – мысленно выдохнула Настасья, – пристроилась».

Поставила рядом с собой чемодан, уложила дамскую сумочку на колени и осмотрелась вокруг более спокойно и вдумчиво. Народу набилось в небольшом зальчике ожидания – не протолкнуться. Тут были и пассажиры на все задержанные рейсы, и встречающие. И пока ни одной регистрации не объявили, да и точной информации по задержкам не дали.

Ну что ж – сидим ровно, ждем.

Она вздохнула в унисон своим крепнущим сомнениям, повернула голову и посмотрела за большое окно слева от нее через три сиденья и проход у стены.

Так и есть, снова вздохнула она, утверждаясь в своих нерадостных предположениях – черной бедовой темнотой наползала, неотвратимо накрывая сизым брюхом городишко, метельная туча.

Не улетит она никуда сегодня, вот как пить дать не улетит, в третий раз вздохнула Настя и перевела взгляд от наглой черной захватчицы на небе на мирно спящего соседа.

Вот кому было все глубоко по фиг, так вот этому. Спит себе человек, посапывает – не храпит, а именно что посапывает, да так уютно, словно в кровати на перине устроился, а не на жестком сиденье аэропортного узкого креслица.

Настена уловила некий характерный запах, исходящий от него, и даже повела носом, чуть склонившись к соседу, – ну, точно, выхлопец характерный исходит от товарища.

Совсем у человека все хорошо – выпил-закусил и спит себе. Никаких проблем!

Даже позавидуешь.

И пахло-то от него, надо заметить (от нечего делать принялась размышлять она, чтобы хоть чем-то занять голову и отвлечься от нерадостных мыслей), не водкой дешевой, настоящей на крепкой закуске из мяса-лука-чеснока, и даже не борщом с соленьями и не рыбой или еще чем традиционно закусочным, а чем-то хоть и явно спиртовым, но с легкими фруктово-цветочными нотками.

Эстет, что ли, какой, присмотрелась она к спящей фигуре с большим сомнением, но повнимательней, или одеколоном балуется?

Ни на эстета, ни на одеколонщика мужик похож не был даже по внешним, так сказать, признакам – одежда на нем из разряда дорогой простоты, добротная, дорожная, не из дешевых китайских, и чистая. И ботинки вон дорогие известной фирмы специально для полярных условий.

А больше ничего и не скажешь – лица-то не видно – просто здоровый выпивший мужик. Спит.

Тут что-то в «эфирах» аэропортных блыкнуло, народ мгновенно замер, как африканские сурикаты, которые застывают столбиками, заподозрив близкую опасность, и замолчал в ожидании приговора, так что повисла абсолютная тишина. И в этой тишине по громкой связи объявили об отмене всех рейсов на неопределенный срок, о котором будет сообщено отдельно.

«Целуем, администрация», – уныло подумала, выслушав объявление, Настасья.

И тут неожиданно закопошился тот самый подозрительный сосед слева, как медведь в берлоге, почувствовавший весеннюю оттепель, – спал и спал себе беспробудно, уж как-то все привыкли вокруг, и вдруг на тебе – ожил, задвигался! Настя аж развернулась в его сторону, чтобы наблюдать дивное явление. А мужик извлек из подмышки ладонь-лопату, отогнул край воротника и внимательнейшим образом уставился на нее.

Из образовавшегося мехового отвала на Настю смотрела сильно помятая, с покрасневшими глазами, заросшая щетиной какая-то полубандитская рожа, с усиливающими эффект этой ассоциации сломанными, как у профессионального борца, ушами, прижатыми к черепу, с кривоватым носом, явно пострадавшим в какой-то давней драке, а то и не раз, с белым маленьким шрамом на лбу и коротко стриженными густыми, какими-то пегими, непонятого оттенка волосами, торчавшими из-под сдвинутой на затылок кожаной шапки с меховой подбивкой.

– Ну что? – обдав ее явственным фруктово-спиртовым амбре, с хрипотцой ото сна требовательно спросил мужик у Насти с некими нотками недовольного ворчания в голосе.

– Что? – Не ожидавшая такого нахрапа, она не успела решить, пугаться ей или еще подождать, и как-то само собой получилось, что подождать.

И уставилась в покрасневшие глаза на заросшей щетиной бандитской физиономии. И то ли с испугу, то ли отчего еще у нее как-то вдруг ощутимо так екнуло сердце, и стало жарко в животе.

А вдруг и правда бандит какой?

– А то, что накрылся наш полет по ходу! – прохрипел он насыщенным полубасом, обдавая ее все тем же выхлопом.

– Господи боже, чем накрылся? – от растерянности и легкого испуга спросила Настасья, запоздало сообразив, что откровенно подставляется под грубость таким вот своеобразным вопросом.

У мужика тут же «всколыхнулась» вся мимика заспанного лица, брови начали приподниматься, на лице появилось натужное сожаление, он вдруг сделал непонятные пассы рукой в воздухе, изображая нечто невразумительное и, сопроводив эти покручивания ладони движением головы, выдал с натугой:

– Как бы вам так... куртуазно объяснить, чем накрылся, барышня, – затруднился он с разъяснениями. – Вы же девушка... – что-то вновь попытался изобразить он помятым лицом, дополняя слова очередным жестом руки – ... такая...

– Не надо куртуазно! – поспешила Настя остановить его потуги, протестуяще вытянув руку, и поторопилась исправить ошибку: – Вопрос был глупый. Извините.

– Вы это серьезно? – На лице мужика совершенно явственно изобразилось удивление.

– Что? – растерялась Настя.

– Да вот это: «извините»?

– Ну, что такое? – как-то враз расстроилась она от нелепости разговора.

А он кашлянул, обдав Настю в очередной раз своеобразным фруктово-ягодным амбре, отчего она непроизвольно слегка скривилась, удержавшись, однако, от демонстративного помахивания ладошкой.

Совсем ведь чуть-чуть и неосознанно скривилась, но мужик все же заметил это ее пусть и мимолетное выражение, прикрыл рот рукой, как бы извиняясь, и вдруг понес не пойми что:

– Пардоньте-с. Я вообще-то малопьющий. Ну, бывает, так, по-мужски, компанией, или в праздники какие, это ж обязательно, все же Север у нас, не какой-нибудь кисель. Или на рыбалке там, на охоте. Но друзья вот провожали в отпуск, – и он тягостно вздохнул, – тут уж не отвертишься.

– Вы зачем мне это все говорите? – поразила Настасья столь прочувствованной оправдательной речи явно не страдавшего излишней скромностью незнакомца.

– Ну, как же, – чистосердечно подивился он. – Вы такая девушка... – и тут вновь пошли непонятные выкрутасы рукой, видимо, в поисках точного определения – ...барышня... Правильная... А я тут со своим простонародным выхлопом. Непорядок.

Настя уставилась на него во все глаза, слушая столь красочную самоуничижительную тираду, и вдруг в один момент поняла, что все это стеб чистейший, что мужик с удовольствием «отрывается» и так «влегкую» веселит самого себя, развлекаясь над дамочкой приезжей.

И в этот момент ей стало отчего-то так спокойно, словно все непредвиденные трудности разрешились сами собой, и теперь уж все обязательно наладится.

А еще она развеселилась по-настоящему, от всей души этому его мужскому стебу над столичной штучкой – а почему нет? А то она, понимаешь, «товарищ», и «вещи приберите», и ножкой-ножкой втихаря баульчик толкала от себя подальше, и вся такая «фи, Боже мой!».

Ну а что, нет? Да. Есть такой момент.

И, чуть запрокинув голову назад, Настасья искренне, не сдерживаясь, расхохоталась.

И смеялась, смеялась аж до слезы.

А подуспокоившись немного, продолжая остаточное посмеиваться, посмотрела на соседа, так повеселившего ее, и хотела было что-то сказать ему про разыгранную сцену, похвалить даже, да так и не сказала.

Как споткнулась о непростой взгляд мужчины, пристально и чуть удивленно рассматривавшего ее с очень серьезным непонятым выражением. Было ясно, что размышляет он именно что всерьез и над чем-то весьма важным, касающимся непосредственно ее.

«Ну вот еще! – подумалось Настасье. – С чего бы вдруг?»

Но насторожилась.

– Ну, что? – с нарочитой бодростью спросила она, предпринимая попытку сгладить все недопонимания, возникшие на пустом месте, и избежать этот прямой изучающий взгляд незнакомца. – Чем бы там все ни накрылось, понятно, что мы уже никуда сегодня не полетим, но хотелось бы знать хоть приблизительно, когда же. Вы так не считаете?

Он порассматривал ее еще какое-то непродолжительное время все с тем же странным, очень задумчивым видом и, словно переключившись в один момент, взбодрился – подтянул ноги, сел ровно, отогнул совсем воротник и расправил его, стянул с головы шапку, затолкал ее в карман куртки и потер голову пятерней (видимо, подразумевалось, что таким образом «причесал» короткие жесткие волосы). Настю в очередной раз поразила сложная мимика его лица, оно вдруг как-то неохотно помялось, пошло волнами, и губы таки соизволили сложиться в подобие более-менее приветливой улыбки.

– Ну, давайте узнаем, когда, – кивнул он, словно согласился с ее навязчивым предложением.

И неожиданно поднялся с кресла, оказавшись на самом деле здоровым, крепким мужиком, потянулся эдак всем телом, как большой опасный зверь, сделал пару резких движений локтями назад, разминая затекшие мышцы, покрутил головой, потер с силой шею, видимо, затекшую во время сна в неудобной позе, легко подхватил и закинул на плечо свой баул-цилиндр и предложил:

– Ну что, красавица, сидите? Идемте узнаем действительно, сколько нам тут чалиться.

– Что делать, простите? – переспросила она, не сообразив сразу, что это за жаргон.

– Сидеть в смысле, – хмыкнул он, поясняя, и протянул ей открытую ладонь.

Добротная такая мужская ладонь оказалась, с застарелыми мозолями, не грузчика портового, но человека, не чурающегося делать что-то своими руками. Может, и что-то тяжелое. Бог знает, не эксперт она в мужских мозолях, ей все больше нежно-интеллектуальные индивиды попадались.

Она так посидела-посидела, посмотрела-посмотрела на эту его протянутую, ожидающую руку и решительно вложила в нее свою ладошку.

– Давайте узнаем, сколько чалиться, – передразнила она его.

А мужик снова хмыкнул, и на этот раз Настя отчетливо поняла, что хмыкнул он по поводу ее такой смелой решительности.

Мягко ухватив ее ладонь, он повел Настасью между рядами сидений, обходя людей, их вещи, сумки, детей, чемоданы. А после первого же «затора», через который они пробирались, молча перехватил у Насти ее чемоданчик. И как оказалось, направлялся он совсем не в сторону справочного окошка, у которого уже выстроилась большущая толпа, перегородившая ближайшие проходы, а к одной из стоек регистрации, за которой две девушки в форменной одежде аэропорта заполняли и проверяли какие-то бумаги.

– Девоньки мои дорогие! – задорно обратился к ним мужик, – красавицы мои! Мы тут вам вещички ненадолго оставим. Присмотрите, лады?

Настя от такой простоты несколько оторопела, притормозив даже слегка, ожидая, что их прямо сейчас легко и ненавязчиво пошлют в определенном при таких топорных заходцах направлении, но ошиблась.

Девушки как по команде, одновременно оторвавшись от бумаг, которыми занимались, подняли головы, посмотрели на говорившего и так же одновременно расплылись в добрейших лучезарных улыбках.

«Чудеса-а-а», – подумалось Настене.

– Конечно, конечно, Максим Романович, – старательно уверила одна из них, очень приятная якуточка.

– Мы к Петровичу ненадолго, – пояснил мужчина, неожиданно оказавшийся Максимом Романовичем, которому так очаровательно улыбаются девушки, скинул с плеча свою сумку и поставил за стойку вместе с Настиным чемоданом. Бросив взгляд на бейджик, приколотый на обшлагае форменного пиджачка девушки, он попросил:

– Оленька, ты нам двери открой, чтобы я никого не тревожил.

– Идемте, – сразу же радостно согласилась та самая красавица якуточка, вышла из-за стойки и поспешила вперед.

– Максим Романович, – продолжая улыбаться, обратилась девушка к мужику, семена чуть впереди, отчего ей приходилось оборачиваться, – зачем вы в общем зале устроились, могли же в ВИПе отдохнуть...

– Да ничего, Оленька, мне так привычней, – уверил товарищ, все больше настораживавший Настю тем, что так неожиданно оказался личностью не рядовой.

По крайней мере в этом аэропорту не рядовой.

Пока она предавалась размышлениям о странной приветливости персонала к этому мужику с откровенно криминальной внешностью, они, довольно быстро продвигаясь за девушкой Олей сквозь людское ну если не море, то озеро уж

точно, пришли к дверям с надписью крупными красными буквами «Служебный вход». Красавица Ольга достала из кармана карточку, провела ею по щели считывающего устройства кодового замка и распахнула перед ними дверь:

– Проходите.

За дверью обнаружился длинный коридор с ответвлениями направо и налево и множеством других дверей. Они же прошли вперед до конца коридора, там Ольга открыла им еще одну дверь карточкой-ключом, пропустила вперед, но с ними дальше не пошла.

– Михаил Петрович должен быть у себя, – продолжая улыбаться исключительно мужчине и старательно игнорируя Настю, сказала Ольга.

Да ладно, такие мелочи Настю никогда не задевали и по большому счету не интересовали. Все правильно девушка делает – непонятно же, что это за фифа такая рядом с этим самым Максимом Романовичем образовалась, уделяй ей тут внимание. С какого, извините...

– Спасибо, Оленька, большое, – искренне поблагодарил мужчина, широко улыбаясь в ответ.

Надо заметить, сделал он это легко, без той тяжелой натужности, с которой улыбался Насте после пробуждения всего несколько минут назад.

Он вновь ухватил ее за руку и потащил за собой по лестнице на второй этаж. Там они прошли какими-то коридорами, куда-то свернули и остановились перед дверью с солидной табличкой на ней, гласившей, что отгораживает и охраняет она от посетителей и подчиненных начальника аэропорта города Викторова Михаила Петровича.

Вот так вот.

Максим – тот, который Романович, – коротко стукнув разок, сразу же распахнул дверь и вошел, подтянув за собой и Настю.

– Петрович, это я, – по-простецки представился он.

– Максим! – отозвался мужчина в летной форме, сидевший за столом, и приветливо махнул рукой, поднимаясь с кресла. – Заходи, заходи!

На вид Настасья определила начальнику аэропорта около пятидесяти лет – крепкий такой дядечка, среднего роста, с небольшим животиком лишь намеком, с приятным простым открытым лицом, с явными чертами якутской примеси к европейскому разливу, с большими залысынами на лбу.

– Ну, и чего ты в общий зал потащился? – попенял он, подходя к посетителям и протягивая руку Максиму Романовичу. Мужчины встретились крепким рукопожатием, а Виктор продолжил пенять: – Нормально бы хоть поспал часок-другой, пока все не прояснилось.

– Да ерунда, Петрович, – отмахнулся Максим Романович и спросил: – Ты мне лучше скажи: надолго эта кутерьма? Что метеорологи?

– Да что метеорологи, – скривился недовольно Михаил Петрович. – Сам видишь, – и он махнул рукой в сторону окна, – вон уж и крутить начало, и снег полетел. Сутки, говорят, точно. Эмчеэсовцы же утверждают, что не меньше двух. Значит, точно суток на двое закрутило.

Снег.

Настя тут же ужасно расстроилась – снег – это не очень хорошо, может, и совсем плохо для ее важного дела. Она подошла к окну и посмотрела наружу: и вправду снег, пока лишь небольшими редкими белыми росчерками наискось от неба к земле, но бог знает, что будет дальше.

Бог знает. Ох, как это нехорошо-то, что снег, уткнулась она лбом в стекло.

– А ты, смотрю, с девушкой? – вопросительно-намекающим тоном, каким умудряются обмениваться информацией мужчины, не говоря ничего прямо, произнес хозяин кабинета.

Спрашивал, пока они оба с любопытством наблюдали, как Настасья, моментально позабыв обо всем на свете, в том числе и о них двоих, задумчиво подошла к окну. Своим вопросом Михаил Петрович напомнил о себе.

– Да, вроде бы, – неопределенно, с явным сомнением протянул Максим Романович и переспросил у нее: – Девушка, я с вами?

Она вздохнула своим тревожным мыслям, повернулась от окна, посмотрела на мужчин поочередно и пожалала плечами.

– В данной ситуации скорее я с вами, – внесла уточнение Настя.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался чему-то Михаил Петрович и тут же активно пояснил чему: – Я сейчас Валюхе позвоню, она быстренько пельменей, строганинки с оленинкой наладит, стол организует и баньку затопит. Посидим вечерком, поговорим неспешно.

– Можно, я уже пойду? – спросила Настя, чувствуя себя школьницей, мнущейся от неудобства в директорском кабинете.

– Куда же вы пойдете, девушка? – удивился Виктор.

– Ну как? – не поняла она его столь явного удивления и растолковала: – В гостиницу.

– Да какую гостиницу! – энергично махнул тот рукой и попенял даже: – Ну что вы! К нам, к нам. Мы вам самое лучшее место предоставим, со всем комфортом.

Настя оторопела от такого неожиданно грянувшего гостеприимства.

– Нет, нет! – всполошилась она. – Что вы! Мне в гостиницу.

– Как же так? – кажется, даже расстроился начальник аэропорта и вопросительно посмотрел на Максима.

– Спасибо большое за приглашение, – зачастила словами Настя, торопясь поскорей разделаться с дурацкой ситуацией, в которой не пойми каким образом оказалась. – Я знаю, что у вас тут на Севере все люди очень радушные и гостеприимные. Это у вас такая традиция. – Она смотрела на мужчин, которые с задумчивыми серьезными лицами выслушивали ее бляение, и на всякий случай уверила со всем жаром: – Хорошая традиция. Правильная, очень уважительная. –

И, не сдержав жалобно-просительной нотки в голосе, поинтересовалась: – Ну, я пойду? – и махнула ручкой в направлении двери. – Пока там все такси не разобрали.

– Не, Петрович, – сказал вдруг Максим Романович. – Извини, в другой раз посидим-поговорим, примем, как полагается, и разносолов твоей Валюхи отведем, обещаю. – И кивнул подбородком на Настю: – Ты же видишь, какая у меня тут девушка, за ней надо ухаживать-переухаживать. Поедем мы в гостиницу, – и протянул руку для прощального рукопожатия.

– Не надо за мной ухаживать! – испугалась новой напасти Настена. – И переухаживать уж тем более! Что вы еще придумали такое!

– Ну как же не надо, – возразил он. – А если заметет на несколько дней, вас же занять чем-то нужно.

– Святые угодники! – окончательно рассердилась Настена. – Я с вами с ума сойду!

И демонстративно-решительно направилась к двери, правда, вовремя вспомнила о хорошем тоне и спохватилась:

– Ох, извините, Михаил Петрович!

Она направилась в сторону мужчин, застывших посреди кабинета, и, протянув руку Викторову, пожала и потрясла его ладонь. – Спасибо большое за гостеприимство и вообще. – И вдруг вспомнила кое о чем: – А как вы оповестите пассажиров о возобновлении полетов?

– Ну-у-у, – ошарашенно протянул тот. – Если вы в гостиницу... – И быстро вопросительно глянул на друга-приятеля, что-то там увидел в его лице, снова перевел взгляд на Настю и уточнил: – Вы же в «Национале» остановитесь?

Она кивнула головой в том смысле, что в нем, в «Национале», да.

– Мы оповестим заранее администрацию гостиницы, чтобы они передали всем постояльцам, и еще пришлем эсэмэс-сообщение на ваш телефон.

– Спасибо, – поблагодарила Настасья, тряхнув еще раз его ладонь, которую так и держала, а осознав этот факт, тут же отпустила, словно ошпарилась, и, немного смутившись, заспешила попрощаться: – До свидания, Михаил Петрович, приятно было с вами познакомиться.

– Действительно, – подал вдруг голос Максим Романович, – пойдём, мы, Петрович, пока и на самом деле все такси не разобрали.

И торопливо пожав еще раз руку Викторову, поспешил за Настей, которая гордо шествовала вперед, полностью игнорируя его персону.

– Ну ладно, – с сомнением в голосе согласился Виктор. – Коли ты так решил... – и предупредил с нажимом: – Но Валюха обидится, так и знай.

– Передай ей, что я ее люблю, и в следующий раз я весь ваш! – на ходу торопливо проговорил Максим.

Настя было вышла из кабинета и даже сделала несколько решительных шагов по коридору, когда вдруг неожиданно остановилась так, что спешивший сзади мужчина чуть не налетел на нее, в последний момент успев среагировать и резко затормозить.

– Что такое? – спросил он недоуменно.

Она, проигнорировав его вопрос, развернулась и ринулась назад, распахнула двери только что покинутого кабинета и с порога обратилась к еще не успевшему вернуться в начальственное кресло Викторову:

– Простите, Михаил Петрович, вы мне не объясните один момент?

– Да, конечно, – несколько стусевавшись от столь стремительного появления и напора непонятной девицы, пообещал он.

– Спасибо, – кивнула Настя и спросила: – Скажите, пожалуйста, а это вообще кто?

И, развернувшись, ткнула указательным пальцем в сторону застывшего в дверях мужика с бандитской физиономией, который набивался к ней в ухажеры и так дружески-приятельски общался с начальником аэропорта, да еще признавался в любви его жене.

- Максим-то? – поразился вопросу Виктор, но тут же пришел в веселое настроение и заулыбался: – А вы, значит, не знаете?

- Нет. Не знаю. Уж извините, – отчеканила она.

- Сразу видно, что вы не местная жительница. Не из Якутии, – уточнил он. – Оно и понятно, раз не слышали про Вольского. У нас в Якутии про него всем известно. Ну, если и не всем, то многим.

- Что, такой плохой? – тоном строгой учительницы спросила Настя.

- Такой хороший, – хохотнул Виктор и почти торжественно представил: – Вольский Максим Романович, начальник летного отряда аэродрома, – он назвал заполярный город, один из крупных в Республике Саха, – пилот вертолетных машин. Вертолетчик-универсал, гений. Таких, как он, больше нет. Работал в Арктике и по всей республике в самых сложных районах и на всех тяжелых ЧП. На его счету...

- Ну ладно, хватит! – строго оборвал хвалебную речь тот самый упомянутый герой за спиной у Насти.

- Нет, не хватит, – не согласился с ним Виктор, довольно улыбаясь. – Надо же девушке растолковать про твою героическую личность.

- Я сам растолкую, – ворчал Максим Романович. – И про героическую, и про романтическую. Пойдем мы, – по-командирски ухватив Настю за локоть, потащил он ее к выходу.

- У него, между прочим, и правительственные награды имеются! – веселился все больше Михаил Петрович.

– Идем, идем, – недовольно ворчал господин по фамилии Вольский, подвинув Настю вперед себя и теперь тихонько подталкивая ее в спину в направлении распахнутой двери.

– Много? – сменив тон, весело поинтересовалась она, подхватив настрой начальника аэропорта и сопротивляясь нажиму ручки Вольского.

– Прилично, – протянул Виктор и начал похихатывать, глядя на их возню в дверном проеме. – Он же у нас герой известный, настоящий. Вы бы с ним поаккуратней, – повысив голос, покрикивал он, уже окончательно развеселившись, – а то умыкнет!

– А что, может? – выясняла Настя, посмеиваясь, но ее уже выталкивала из кабинета осторожно-нежно, но настойчиво сильная рука героического, как выяснилось, вертолетчика.

– Вольский-то? – переспросил Михаил Петрович, продолжая смеяться, и заверил: – Вольский все может!

И расхохотался так, что даже за дверью, которую в раздражении захлопнул Максим Романович, слышались громкие раскаты его смеха.

В полном сосредоточенном молчании они прошагали через все коридоры, повороты и лестницы. Настя испытывала какое-то душевное неудобство после своей выходки с выяснением личности мужика, оказавшегося на поверку каким-то чудо-вертолетчиком, веселым и бесшабашным, и было непонятно, почему молчал сам герой, а оттого ей становилось еще более неудобно.

Но когда дверь с надписью «Служебный вход», пропищав электронным замком, закрылась за ними, выпустив их в общий зал ожидания, Настя не выдержала и, развернувшись к спутнику, прямо-таки потребовала объяснений:

– А вот скажите, Максим Романович, что вы там несли несусветное про простонародный выхлоп? Изображали из себя пролетариат, измученный запоем, а сам весь из себя героический красный командир, оказывается.

– Да ладно, – примирительным тоном сказал он и даже лапищей эдак махнул пренебрежительно. – Не такой уж и красный, и не такой уж и командир.

– Кстати, – вспомнила вдруг Настя, – как же вы, летчик-герой и начальник к тому же, собирались садиться пьяным в самолет?

– Не преувеличивайте, – остудил ее воинственный пыл мужчина, и на лице его выразилось недовольство. – Уверяю вас, когда я пьян, это бросается в глаза, сейчас же я чуть выпивший. И то по необходимости.

– Понятно, – театрально вздохнула Настасья и задорно рассмеялась, не выдержав своего защитного нарочито-воинственного тона. – «Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше достанется хулигану».

А он посмотрел на нее с большим удивлением и вниманием, вот так вот непонятно посмотрел и неожиданно откинулся назад и расхохотался. Настена же, понаблюдав за этим его искренним весельем, спросила просто так, из легкой вредности и оттого, что, оказалось, ей нравилось его подковыривать, задираться и смеяться вместе с ним:

– Максим Романович.

Обратилась она к нему нежным тоном, исполненным жалости, испортив, однако, всю игру задорной улыбкой, которую ну никак не смогла удержать. – Вы извините, конечно, но... вам говорили, что у вас весьма специфическая внешность. Такая своеобразная, я бы сказала. Ни разу не героическая, а как бы даже наоборот.

– В смысле бандитская рожа? – уточнил тот, похохатывая.

– Ну-у-у, – протянула Настена. – Не так прямолинейно, но близко к тому, что я имела в виду.

– Да не, – махнул он рукой, продолжая веселиться, – на самом деле я мужчина вполне приятной наружности, женщинам очень даже нравлюсь, – уверил он ее и пояснил: – Просто не спал почти двое суток, устал да зарос. – Он потер щетину своей большой ладонью.

Она бы, наверное, еще поперерекалась с ним с удовольствием, но тут пиликнула предупредительным сигналом система громкого оповещения, и милый девичий голосок принялся перечислять номера и направления рейсов и объявил о задержке ориентировочно на сутки, пообещав дополнительно сообщить о возможно более длительных задержках.

– А вот теперь бегом, – распорядился летчик-герой вертокрылых машин Вольский.

Он ухватил в очередной раз Настю за руку и, рассекая забурлившую толпу, поспешил к стойке регистрации, где оставил их вещи на попечении двух девушек.

– А то такси все разберут, – на ходу умудрился объяснить он, – и придется нам ждать общественный транспорт. Оно, конечно, тоже ничего, терпимо, но лучше все-таки такси.

Настя же разумно решила помолчать и послушать мужчину, рассудив про себя, что, наверное, ему видней, как действительно лучше поступать, он же местный и все тут знает, да еще и знаменитость, как выяснилось.

А вот к добру ли или худу, поди знай.

В такси они благополучно сели. Кстати, таксист весьма почтительно поздоровался с Вольским, расплывшись в радостной улыбке, что отметила про себя Настасья.

Гостиниц в этом милом простом городке имелось две.

Первая под интригующим названием «Паломник», собственно, была вовсе и не гостиница, как таковая, поскольку ей можно было бы смело присвоить минус три звезды. Скорее это было что-то вроде «Дома колхозника» или хостела лагерного типа, рассчитанного на группы туристов, активно кочующих в летний и зимний периоды по достопримечательностям края, а также оленеводов, приезжающих по каким-то своим делам. Оттого и были там номера на десять – двенадцать человек и большая комната для общего сбора, с длинными рядами столов, служивших как для приема пищи, так и для проведения собраний, мероприятий или индивидуального досуга.

Вторая же гостиница, можно сказать, основная, носящая простое и емкое название без выкрутасов – «Саха», с иронией именовалась местными жителями «Националь», с намеком, с одной стороны, на национальный состав республики, с другой же – на известную московскую гостиницу с ее звездностью и пафосом.

Ироническое название прижилось намертво, и иначе чем «Националью» (именно так: со склонениями по падежам, усиливая иронию) теперь эту гостиницу никто и не именовал – как местные, так и приезжие, с их легкой подачи.

А вот эта, пусть и не пять звезд, как ее московская старшая сестрица, но очень даже высокого уровня – добротная, с большими и уютными номерами, с достойным уровнем обслуживания, с приличным рестораном и замечательным персоналом.

Для туристов и приезжих имелась в городе и сеть частных апартаментов типа пансионов, так что, как говорится, жилье на любой вкус, только заселяйтесь, гости дорогие.

Анастасия останавливалась именно в «Национале», насилу отговорившись от радушного и щедрого гостеприимства Валерии Яковлевны, которая искренне расстроилась ее отказом пожить у нее. Но Настя, предпочитая независимость, во-первых, и, во-вторых, не желая никого обременять, все же настояла на своем.

Пока они ехали в такси, метель усиливалась с каждой минутой. Тяжелая туча, закрыв своим черным, надутым брюхом теперь уж все небо от горизонта до горизонта, сыпала снегом. Настя окончательно расстроилась такому безобразию и принялась названивать Валерии Яковлевне, которая поспешила ее успокоить, решительно пообещав, что все сделает как должно и обо всем позаботится, и нечего ей так беспокоиться и переживать.

Максим Романович приватности ее разговора не нарушал, к словам ее откровенно не прислушивался, о чем-то сам негромко беседуя с таксистом.

Доехали они быстро, Настя только и успела, что коротко поговорить и скомканно попрощаться, когда они уже останавливались у гостиницы, да и правду сказать, тут все было близко, в этом небольшом городке.

Войдя в гостиничный холл, Настасья подумала с грустной иронией, что впечатление такое, будто она и не уезжала вовсе и не выселялась отсюда всего два часа назад, а ее короткая командировка, как в дурном кино, все затягивается и затягивается непредвиденными обстоятельствами.

И сильно удивилась, когда к ней поспешила администратор с открытой, приветливой улыбкой на лице:

– Анастасия Юрьевна, мы так и предположили, что вы к нам вернетесь.

Администратор пожала ее руку, нежно-уважительно ухватила под локоток и повела к стойке регистрации.

– Как только нам сообщили о задержке всех рейсов, я сразу послала Зиночку, она уже убрала ваш номер. Он пока свободен, и, если хотите, мы вас туда же поселим. Или, может, вы хотите другой номер, люкс или какой-нибудь иной сьют?

– Нет, нет, – поспешила заверить Настя, – меня вполне устроит мой бывший номер.

– Вот и хорошо, – порадовалась вместе с ней администратор и уверила: – В таком случае, Светлана, – она кинула взгляд на девушку, а потом вновь посмотрела на Настю, – сейчас быстро все оформит, и можете заселяться.

Она вновь приветливо улыбнулась Насте и повернулась на звук открывшейся входной двери, услышав приветствие швейцара, обращенное к следующему гостю, которым оказался господин Вольский. Тот задержался у такси, расплачиваясь с водителем и выгружая багаж.

Настя было сунулась честно внести свою лепту за оплату машины, но Максим Романович так на нее зыркнул, что она предпочла скоренько ретироваться, не пытаясь настаивать или что-то там объяснять про свою женскую независимость и платежеспособность.

Да ну, на фиг, зачем нарываться и выслушивать словесный выговор на пустом месте? Как правильно заметил Темыч – это Север, и мужчины тут, как бы так

поточней выразиться... оголтелый феминизм сильно не приветствуют.

Администратор Александра Николаевна разулыбалась еще лучезарней и пуще прежнего, извинилась перед Настей, передоверив ее дежурной, и поспешила навстречу Вольскому.

– Максим Романович! – распахнув руки, приветствовала она. – Как замечательно, что вы к нам. Мы очень рады.

И все-то ему рады, и все-то его знают-любят, отчего-то с большой иронией заметила про себя Настасья, наблюдая это преувеличенное радушие.

– Здравствуйте, Александра Николаевна, – ответил ей улыбкой тот. – Поселите, накормите уставшего путника?

– И поселим, и накормим, и всячески обогреем, и приветим, – пообещала она, подхватывая теперь его под локоток, сопровождая к стойке ресепшена, и поинтересовалась: – Какой номер предпочтете?

– А мне вон рядом с девушкой, – кивнул Вольский на стоявшую у стойки Настю, которая в этот момент подписывала новую анкету постояльца, оперативно заполненную дежурным администратором Светланой, и объяснил персоналу, сразу же активно начавшему «греть уши». – Мы с девушкой друзья по несчастью. Вот и буду ее пугать нашими легендами, да байками и расписывать природные достопримечательности.

И вдруг, ошарашенный неожиданной мыслью, спросил у Насти: – ?Кстати, девушка, а как так получилось, что я не в курсе, как вас зовут? А?

– Не знаю, – улыбнулась она, сама вдруг осознав, что и на самом деле не знает, и предположила: – Наверное, потому что нас не представили.

Персонал в лице администратора Александры, молодого шустрого якута в форме портье, обаятельной девушки Светы, дежурившей за стойкой, и пожилого солидного швейцара тут же потеряли к ним интерес, поняв, что никакой горячей интриги нет и эти двое даже не знакомы.

– Александра Николаевна, – обратился Вольский к администратору, – вы эту прекрасную барышню знаете?

– Ну конечно, – понимающе улыбнулась она ему. – Анастасия Юрьевна проживала в нашей гостинице три дня. И за время своей командировки стала довольно известной личностью в городе. О ней и ее работе передавали репортаж по радио.

– О как! – обрадовался Максим Романович. – Ну так будьте любезны, представьте мне эту известную личность.

– С удовольствием, – кивнула администратор и поинтересовалась у Насти: – Вы не против?

– Да чего уж там, – махнула безнадежно рукой та, давая свое согласие.

– Максим Романович, познакомьтесь, – официальным голосом приступила к церемонии Александра Николаевна: – Нестерова Анастасия Юрьевна. Командирована в наш город из Новосибирска. – Она посмотрела на Настю и уточнять цель ее командировки и прочие регалии не стала.

– Значит, Настя, – кивнул Вольский, рассматривая ее с довольным видом, и повернулся к администраторше: – Сашенька, сейчас тут к вам толпа набежит, вы бы не могли организовать нам с Настасьей Юрьевной что-нибудь горячего поесть по-быстрому. А то если я в номер завалюсь, то засну точно, не дотяну до обеда.

– Сейчас все организуем, – доверительно пообещала ему администратор и предложила: – Вы дайте Светлане паспорт, она оформит вас сама, а когда будете возвращаться из ресторана, она вам его вернет. Так будет быстрее.

Вольский кивнул.

– Ну что, Настасья Юрьевна, – развернулся к ней Максим Романович, положив локоть на деревянную столешницу стойки, – идемте поедим. А вещи ребята отнесут к нам в номера.

– Идемте, Максим Романович, – согласилась с приглашением Настя.

Александра Николаевна, кивком пригласив их следовать за ней, заспешила в сторону ресторана.

На перекусить «по-быстрому» им принесли обжигающую бесподобную рыбную солянку, а на второе – гречневую кашу какого-то секретного местного рецепта с овощами и сушеными ягодами, нечто непередаваемое по вкусу кисло-сладко-пряное, и сопровождал это изобилие пухлый фарфоровый чайничек травяного напитка, разумеется, из местных каких-то там трав с добавлением меда и ягод. Потрясающий напиток, Насте очень нравился, и она неизменно заказывала его все три дня, что прожила в гостинице.

Они коротко пожелали друг другу приятного аппетита и принялись за еду. Первые несколько минут оба полностью отдались этому приятному процессу, сосредоточившись исключительно на нем.

Настя, только когда принесли солянку и она уловила ее великолепный аромат, поняла, что проголодалась, вспомнив, что позавтракала фруктовым смузи и вот этим самым горячим травяным напитком перед отъездом из гостиницы. А времени прошло уже немало.

Солянка была совершенно потрясающей, и Настя с удовольствием слупила большую часть порции, не отвлекаясь ни на что вокруг, и лишь тогда перевела дух. Оторвав взгляд от тарелки, она посмотрела на соседа по столу, с аппетитом доедавшего свою порцию и чуть ли не урчавшего от удовольствия.

И то ли ресторанное освещение так легло на его лицо, то ли что-то переключилось в сознании самой Насти, но именно в этот момент она словно увидела его впервые и только сейчас в полной мере разглядела, насколько действительно он устал. Даже не так: «устал» – слишком мягкое определение для той печати измученности, которая лежала на его лице.

Не то чтобы он держался из последних сил и вот-вот упадет, потеряв сознание от предельной нагрузки, – нет, в этом мужчине чувствовался серьезный запас силы и воли, способной на пугающе многое, даже в таком состоянии беспредельной усталости, но было совершенно ясно, что измотан человек основательно.

Темные круги вокруг покрасневших от недосыпа глаз, углубившиеся морщины, пожелтевшие от перегрузок виски, посеревший цвет лица. Тогда в аэропорту Насте показалось, что у него пегий цвет волос, на самом же деле – темно-русый, прореженный седыми нитями, а стрижка хоть и короткая, но все же не солдатский ежик.

– Максим Романович, что у вас случилось, почему вы не спали двое суток? – с искренним участием поинтересовалась она.

Спросила, не успев сообразить, а надо ли вообще что-то спрашивать и можно ли. Может, это что-то сильно и глубоко личное и всякое такое прочее, куда посторонним людям лезть не следует.

Нет, она, конечно, сообразила все эти верные резоны, но уже после того, как спросила, и даже про свою воспитанность вспомнила, отчего и покраснела слегка.

Он отставил пустую тарелку из-под солянки в сторону, притянул к себе глиняную тарелку с кашей и только тогда поднял на Настю глаза.

– Да ЧП районного масштаба, – принялся объяснять он, не забывая тем не менее про еду. – Так получилось, что я, отработав свою смену, сдав все дела заместителю, собрал вещи и приехал на аэродром посидеть со свободными от смены коллегами перед вылетом, отметить мой отпуск. В нашем кафе потрясающая повариха готовит... – он закатил глаза, выказывая высшую форму восхищения, после чего заел похвалу парочкой увесистых ложек с кашей. – Разумеется, кроме пива, в продаже спиртного нет, но для начальства, – он слабо улыбнулся, посмотрел на Настю и уточнил особым тоном, как перед проверяющей комиссией, – для свободного от работы и отпускного начальства нужное найдется. Вот пока нам девочки накрывали в моем кабинете, пришло сообщение о пропаже двух подростков в лесотундре. Пацаны решили посидеть на природе, разумеется, с пивком и куревом, но и про костер не забыли, что-то там на нем готовили и грелись заодно. Сами видите: зима в этом году затяжная, снежная, и хоть уже середина мая, а еще снег не сошел, уж в лесу-то точно. Но парни все местные, якуты, не идиоты и реалии понимают четко, да какие-то у них там разборки возникли на пустом месте. Ну и решили подростковой удалью потрясти. Уж о чем они там поспорили и на какое «слабо» друг друга завели, не знаю, да только пятеро пацанов вышли из леса домой, а двое «зависли».

Уже приятно насытившийся, разомлевший от горячей еды, неспешно доедавший кашу, он налил себе чашку настоя из чайника, взял ее в руку и, откинувшись на спинку стула, посмотрел внимательно на Настю и спросил:

- Вы же не сибирячка?

- Нет, - призналась она, не сделав и попытки что-то объяснить.

- Саша сказала, что вы из Новосибирска? - уточнил он и отхлебнул напитка из чашки с видом кота, подобревшего после поедания миски сливок.

- Да, - кивнула она, подтверждая информацию. - Оттуда, но я там недавно живу.

И перевела ускользящий разговор в прежнее русло. - И что с теми ребятами?

Он снова наклонился к тарелке, несколькими быстрыми движениями доел оставшуюся кашу, отодвинул тарелку по столу, отхлебнул напиток и продолжил свое повествование:

- Раз вы недолго в Сибири, то, наверное, не очень разбираетесь в особенностях и специфике жизни и существования на Севере. Попасть в заснеженный лес без специальной подготовки и знаний, без правильной одежды, без возможности развести костер и обогреться - это верная гибель. И это знают все: от младенцев до стариков, и с природой здесь обращаются исключительно на «вы». Парней хватились практически сразу, вызвали МЧС, тут же прибыли волонтеры со всего района, да и весь их поселок в добровольцы скопом пошли. И, разумеется, наши вертолеты призвали. Вот и летали почти сутки по обозначенному кругу и ночью летали, оповещали из громкоговорителей, куда выходить. Эмчезники подогнали в несколько точек по радиусу поиска свои грузовики с генераторами, подключили мощные прожекторы (лучи от них видны за несколько километров), костры жгли по тому же периметру. У экипажей моих плановые работы и свои серьезные летные задания имелись, пришлось ребят подменять.

- Вот вы и подменяли, - кивнула она понимающе. - Мальчиков нашли?

- Нашли, - покивал он, и по всему было видать, что его совсем разморило от тепла и сытой, горячей, вкусной еды. - Они и сами практически вышли, как раз

вот благодаря объявлениям с вертолетов и ориентируясь по тем самым прожекторам. Вообще, молодцы пацаны. Глупостей не наделали, кроме, разумеется, той, что потерялись, но в основном действовали правильно: не засиживались, постоянно двигались, применяли некоторые старинные охотничьи хитрости и знания, как выжить в лесу, помогали и поддерживали друг друга. Нашли их еле живыми, но они упорно продолжали двигаться. Молодцы! Ну а мы вернулись на свой аэродром, сдали машины. Утро раннее, кафе закрыто, так мы у старшего механика нашего в закутке в ангаре собрались и чем было отметили спасение мальчишек и наконец-таки мой отпуск. А была только настойка на моршке и на закуску консервированные ананасы. И тут выясняется, что циклон стремительный идет, и аэропорт наш закрывают. Мы посмотрели по динамике циклона, куда и с какой скоростью он движется, позвонили сюда Петровичу, он говорит: открыто пока все, летаем. Ну и мои мужики решили закинуть меня сюда, чтобы я мог улететь на последнем рейсе, который выпустят.

– Да уж, тусклым ваш образ жизни не назовешь, Максим Романович. Такая насыщенная событиями жизнь, – не удержалась от легкой иронии Настя.

– Обыкновенная, Насть, не романтизируйте, – остудил он ее восторженность.

Допил чай, поставил чашку на блюдце и с силой потер ладонями лицо, словно пытался снять с него накопившуюся усталость.

– Пойду я, – замученным, неожиданно чуть захрипевшим голосом сказал он и пожаловался: – Что-то меня совсем рубит, разморило от еды горячей, да в тепле, – и повторился: – Пойду, посплю, – поднялся из-за стола, достал портмоне из заднего кармана брюк, вытащил из него несколько купюр, засунул под пустую тарелку от каши, посмотрел строго на Настю и произнес наставительно: – Вы только не намыливайтесь гулять по городу – опасно это при таком ветре, и вообще никуда не пропадайте. Посплю, и продолжим нашу беседу.

Ничего она ему на это не сказала – подумать подумала, а отвечать не стала, лишь кивнула неопределенно, вроде как и соглашаясь, и смотрела на него, пока он шел между столиков к выходу из ресторана.

Настасья вздохнула, словно многоопытная старушка, прожившая долгую жизнь – чего смотреть-то зря? Ну, мужик северный, героический, как утверждал его друг – начальник местного аэропорта, а они тут все сплошь и рядом героические, раз вообще здесь живут и так работают, как этот Вольский.

Да, вообще-то она не про него вздыхает, а о своем, о девичьем, о том, что она-то все как-то мимо всяких мужчин, хоть героических, хоть не очень – не до них и вся в работе любимой, да и вообще... И о бытовом, в том смысле, что застряла здесь.

И, между прочим, очень тревожная ситуация складывается с ее главной заботой! Стихия-то грозит разбушеваться не на шутку – вон как уже подвывает начинает, совсем не мирно-тихо! Ох, что будет-то? Точно буран какой-нибудь страшный.

А рожа у этого Вольского все равно бандитская, хоть он и герой прямо геройский, спасающий детей! Вот почему в природе людской все так неладно? Вроде и человек какой хороший, прямо эталон, а на вид браток братком, и повадки у него соответствующие. Вот как глянет исподлобья, хоть беги!

От непонятных мыслей о природе человеческих несуразностей ее отвлек подошедший официант, поинтересовавшийся, будет ли она еще что-то заказывать.

«А буду!» – решила Настена.

Наелась она до отвала, но идти в номер не спешила, решила еще отварчику знатного попить, а к нему ма-а-аленький кусочек яблочного штруделя, который тут готовили восхитительно, и порцию можно было выбрать – от стандартной до мини или макси.

Совсем маленький. Мини. Один.

Чуть-чуть.

Официант понимающе улынулся и плавно удалился, прихватив с собой купюры из-под тарелки и использованную посуду. А Настя осмотрелась вокруг.

И подивилась: оказалось, что в ресторане уже набралось довольно много посетителей, а она и не заметила, увлеченная беседой с Максимом Романовичем и размышлениями о несправедливостях жизни.

В этот момент двери в ресторан открылись, пропуская нового постояльца отеля – очень импозантного, практически сокрушительно привлекательного статного высокого мужчину на вид лет сорока пяти.

От нечего делать и из врожденного познавательного интереса к событиям, обстоятельствам и людям Настасья принялась его рассматривать.

Мужчина такой, из разряда обеспеченных, влюбленных в себя до головокружения, с соответствующей манерой держаться и преподносить себя, с атрибутами этой своей обеспеченности – определенной одеждой, едой, женщинами. Нет, не так – такие себя всегда несут. Вот так будет правильней.

Интересный типаж.

«Интересный типаж» тем временем прошел через зал к свободному столику рядом с тем, за которым сидела Настя, и, чуть обозначив головой намек на приветственный поклон в ее сторону, устроился в кресле, оказавшись метрах в двух от Настасьи да еще в очень выгодном ракурсе для ее наблюдения.

Вот бы кому в герои эпические, так этому!

Прямо хоть картины пиши!

Фактурный такой типаж – фигуристый, спина дворянски ровная, симметричное лицо на красавца голливудского, пожалуй что, все же не тянет, но безусловно, весьма хорош. Эдакий аристократизм, отягощенный прекрасной внешностью, – черные, смоляные волосы средней длины уложены в прическу из серии «благородная естественность» и блестят (для ухода за ними явно используют дорогие средства); строгие очки в тонкой золотой оправе с чуть затемненными линзами придают утонченности и загадочности облику, а идеально выбритая и обихоженная небольшая бородка-эспаньолка скрадывает чуть пухловатые щеки, слегка выпирающую нижнюю губу и немного широковатые ноздри.

Настасья обратила внимание на кое-какие странные детали в его лице, но отнесла их на счет чрезмерно серьезного и трепетного отношения мужчины к своей внешности.

Дорогой костюм, белоснежная рубашка с галстуком, очень дорогие туфли, часы известной марки на руке и тонкий запах престижного и несусветно дорогого парфюма завершали образ богатого, изысканного джентльмена.

Стиль – деловая роскошь, бьющая в глаза.

Ну, точно на картину! С таких типажей можно писать и утро графского семейства в любимом имении в Ницце или маршала Советской армии, обсуждающего с генсеком план наступления.

Настя поджала губки, чтобы не хихикнуть откровенно, очередной раз подивившись своему разбушевавшемуся не на шутку воображению, и даже отвернулась к окну, чтобы мужчина случайно не подумал, что она иронизирует над ним.

Над ним, конечно, но ему-то об этом совершенно незачем догадываться. Справившись с приступом смешливого сарказма, она снова повернула голову и посмотрела на незнакомца, от столика которого в этот момент отходил официант, принявший у того заказ.

– Вы тоже жертва стихии? – спросил мужчина с легкой иронией.

Голос у него оказался низкий, эдакий насыщенный баритон, и говорил он неспешно с расстановкой, словно взвешивал и оценивал каждое произнесенное слово.

– К сожалению, да, – подтвердила его предположение Настя.

– А знаете, – добавив в голос чуть большей бодрости, доверительно поделился он с ней, – я даже рад такому обстоятельству, – и пояснил: – Неделя выдалась напряженная: сплошные встречи, переговоры, перелеты, переезды. Хоть выплыву за эти сутки, отдохну и приду в нормальный режим.

– В какой сфере деятельности вы трудитесь? – спросила Настя по всем канонам подобного рода беседы при случайном знакомстве. – Если это не секрет, конечно, – тут же поправились она.

– Да какой там секрет, милая девушка, – отмахнулся мужчина.

Подошел официант с подносом, и они оба замолчали, пережидая, пока тот выставит на стол перед незнакомцем чашечку эспрессо, а перед Настей – чайничек с отваром и тот самый штрудель, на который она соблазнилась вопреки благоразумию (порция мини).

– Разрешите представиться, – сделав маленький глоток кофе, сказал незнакомец, – Кипрелов. Эдуард Олегович. А тружусь я в строительном бизнесе.

Так и сказал: «тружусь», видимо, гордясь этим обстоятельством и всячески его подчеркивая, и назвал наименование незнакомой Насте европейской фирмы, пояснив, что она, то бишь фирма эта, производит современные строительные материалы высочайшего класса по новейшим технологиям и чуть ли не космическим разработкам. В Якутию же он прилетел как топ-менеджер фирмы – подписывать договора на поставки их продукции на ведущие масштабные объекты как государственных строек, так и частных. И спросил:

– Вы слышали о тех грандиозных стройках и проектах, которые осуществляются сейчас под руководством государства и личного патроната президента в республике?

– Слышала, – с сомнением признала Настя.

– Я так понимаю, что это далеко от рода вашей деятельности? – снисходительно улыбнулся он ей и спросил о другом: – Простите, как можно к вам обращаться, милая девушка?

– «Милая девушка» тоже очень приятно, – улыбнулась она ему. – А зовут меня Анастасия. И да, вы правы, моя область деятельности очень далека от каких-либо строек.

Но дальше развивать тему своего трудоустройства не стала. Она вообще не любила распространяться о своей работе. По разным причинам. Поэтому и предпочла перевести стрелки разговора на Эдуарда Олеговича, помня золотое правило – люди очень любят поговорить о себе и поделиться своими рассуждениями о жизни, и если хочешь отвлечь их внимание от иного предмета обсуждения, горячо поинтересуйся их делами.

– И что, вашу продукцию оценили? Договора-то вам удалось подписать до этого природного коллапса? – махнула она рукой в сторону окна.

– Ну разумеется, – чуть снисходительно уверил он.

Сделал еще один маленький глоток кофе, медленным выверенным движением, за которым она непроизвольно проследила взглядом, опустил чашечку на блюдце.

– Извините, Анастасия, – поднялся с места Эдуард Олегович, – я бы с удовольствием задержался и пообщался с вами еще, но, признаться, ужасно вымотался. Поэтому пойду в номер отдохнуть, – и заметил: – Впрочем, это же не последняя наша встреча, мы же находимся в одной гостинице и задержимся тут на какое-то время, еще увидимся. За ужином, например.

– Непременно, – кивнула она.

– Тогда до встречи, – откланялся он и двинулся к выходу.

«Еще один спать отправился», – мысленно усмехнулась Настя, провожая взглядом его удаляющуюся идеально ровную спину.

Какой-то немного странный человек, что-то в нем... не могла сформулировать свое ощущение от этого Эдуарда Олеговича она.

Он очень чинно вышагивал по залу к дверям, а она смотрела ему вслед и вдруг странно так подумала: «Бесполезно красивый, искусственный человек».

Будет интересно с ним еще побеседовать и присмотреться, разгадать, что ей в нем не понравилось и показалось странным.

Но бог с ними со всеми! И она вернулась к своему штруделю.

Вот кому она уделила самое пристальное свое внимание и удостоила всяческого почтения!

Штрудель она ела неторопливо, смакуя каждый кусочек, эстетически наслаждаясь, и настой ягодно-травяной также неторопливо выпила, разглядывая людей в зале и периодически посматривая за окно на разгулявшуюся стихию.

В состоянии приятной сытости, из разряда той, что уже на грани объедания, Настя попыталась расплатиться с официантом, но тот уверил ее, что Максим Романович уже за все расплатился сполна. Спорить с официантом она не стала, резонно рассудив, что он-то тут при чем, но дала себе обещание серьезно побеседовать с самим господином Вольским.

Выходя из ресторана, Настя настолько неожиданно столкнулась с энергичным торопливым молодым человеком, что чуть не получила по лбу створкой двери.

– Ох, извините! – почти радостно воскликнул тот.

– Извиняю, – улыбнулась ему Настя.

– Я это... – весь в движении, улыбаясь, принялся спешно оправдываться мужчина.

«Все же скорее мужчина, а не парень», – присмотрелась она к нему. При более пристальном взгляде стало понятно, что тому явно не двадцать лет, а так прилично за тридцать. Но стройная, подвижная, спортивная фигура, улыбчивость и манера держаться, да и общий внешний вид замечательно его молодили.

– Завис в блоге и, чатясь, – сообщил он с очаровательной улыбкой, – понял, что есть хочу сурово, аж поджигает, а мне скоро инфу очередную выдавать, вот и рванул. А тут, говорят, метель какая-то, конец света, и народу понаехало в гостиничку. Я за окно посмотрел: и действительно, жуть!

– Метель есть, людей понаехало, все верно! – усмехнулась Настя.

– Игорь, если что, – представился он ей. – А в нете я Гарик Тропа, слышали наверняка, блог у меня свой. Ну, лады, я пошел откушаю, – и кивнув еще разок, поспешил в ресторан.

А Настя задумчиво посмотрела ему вслед.

Для мужчины в районе тридцати пяти все эти: «чатиться, неты, откушаю» звучат как-то не очень соразмерно возрасту. Но... каждому свое, кто как хочет, так и самовыражается. И этот какой-то странный.

Да что такое? Понабралось тут непонятных людей полгостиницы, ворчала она про себя, поднимаясь в номер по лестнице и игнорируя лифт. Какой там лифт? Всего четыре этажа в здании, а ее номер на третьем – ножками, ножками, утверждают, что двигаться ужас как полезно, а она налопалась...

– Как тюлень в зоопарке на дармовщине, – попеняла она себе, продолжала ворчать и уже входя в номер.

Первым делом Настена стала обзванивать своих добровольных помощников, которых в шутку называла «агентами». Начав, разумеется, с Валерии Яковлевны, после подробного разговора с которой обзвонила и другие города.

Долго разговаривала с начальником станции в Якутске, потом отрапортовала родному начальству в Новосибирске. И в самом конце телефонного марафона позвонила Захаровне, оповестив о задержке и успокоив горячими заверениями, что с ней все в полном порядке, и питается она лучше некуда, и тепло одевается к тому же.

Отложив нагревшийся от затянувшихся разговоров смартфон, Настена встала, потянулась всем телом и подошла к окну – посмотреть, что там снаружи творится.

Ужас там настоящий творился, вот что!

Темень от закрывших все небо черных туч создавала какое-то фантазмагорическое ощущение нереальности; тонко завывал призрачными стонами ветер; снежные хлопья, словно во взбесившемся миксере, хаотически метались в разных направлениях – то почти параллельно земле, то пикируя круто вниз, ударяя в стекла окна и взмывая вверх.

У-у-ух! Завораживающе! Жутко, страшно! И красиво!

Ладно, променад по окрестностям, очевидно, отменяется. Но Настасье всегда есть чем заняться.

Например, пользуясь задержкой, надо бы написать отчет по командировке и закончить статью для журнала – вот это обязательно и очень важно! Уже и сроки поджимают, и Верочка, ответственный редактор, звонила позавчера и просила сдать побыстреей.

Значит, статья в первую очередь, потом отчет, решила Настя.

И принялась обустраивать себе место для работы.

А потому что все не просто так у нее – села где ни попадя, бухнула ноутбук на колени и вперед – строчи, не хочу! Какие трудности?

А такие.

Анастасия была девушкой сосредоточенной, упорной, в работе до щепетильности и педантичности внимательной к мелочам и любила в делах определенный порядок и размеренность.

За ноутбуком она работала, только сидя за столом, проведя предварительное обустройство своего рабочего места, – справа под рукой раскладывала в определенной последовательности графики, анализы, показатели, статьи и материалы, вычитанные заранее, с выделенными цветными маркерами необходимыми местами в тексте. Выше документов на столе были разложены ручки и маркеры. Слева от ноутбука были чистые листы, на случай если понадобится делать какие-то записи, например занести необходимую информацию из Интернета или запечатлеть пришедшую по ходу работы мысль.

За идеально ровной стопкой чистых листов лежал ее органайзер с внесенными в него важными краткими замечаниями, которые могут понадобиться.

И совсем уж в отдалении, за поднятой крышкой ноутбука, ставился маленький электронный будильничек, чтобы невозможно было сразу нажать на него, выключить и забыть, что вообще звонил, а пришлось-таки отвлечься, потянуться, достать его и за это время успеть волевым решением оторвать себя от работы.

Скажем, чтобы встать, размяться, или, например, пообедать, или поужинать, или спать отправиться – смотря по времени суток и задачам.

Все разложила, проверила, пододвинула кресло к столу.

Вот теперь можно и работать.

И все. На этом моменте Анастасия Юрьевна полностью отключалась от окружающей ее действительности, целиком погружаясь и сосредотачиваясь на том, чем занималась.

И это надолго.

Будильничек прервал мысль Настасьи и поспевающее за мыслью щелканье клавиш под быстрыми пальцами, сообщив, что пора бы поужинать.

«А что? – подумала она, заводя руки за спину и потягиваясь всем затекшим от долгого сидения телом. – Может, и ужин».

И весьма неожиданно представила она вдруг летчика-вертолетчика Вольского Максима Романовича, и отчего-то стало весело и тепло.

– Надо бы с ним разъяснительную работу провести – напомнила она себе вслух. – А то повадился платить за девушку, не спросив разрешения, – и погрозила пальчиком невидимому героическому летчику. – А девушка против!

А следом за его весьма оригинальным образом, ярко и четко возникшим в памяти, вспомнился ей и импозантный Эдуард Олегович, энергичный Гарик Тропа.

Кстати!

Она же хотела поинтересоваться фирмой, в которой достойно «трудится» Эдуард Великолепный, как она его про себя сразу обозвала, и Настасья быстренько влезла в поисковик.

Фирма такая имелась в наличии и на самом деле вполне себе солидная, судя по сайту и рекламе, и вся такая европейская. И про новейшие технологии и космические разработки или, наоборот, разработки и технологии – не важно, но тоже верно. Ну и хорошо, сказала она себе, порадовавшись за удачное трудоустройство неординарного Эдуарда.

В ресторане ни одного из вспомнившихся Настасье мужчин не было. Зато имелись иные не менее интересные и колоритные личности.

Группа из пяти человек сразу же привлекла к себе невольное внимание – трое мужчин и две женщины расположились за столиком в дальнем углу ресторана и о чем-то довольно горячо спорили, демонстрируя друг другу какие-то бумаги, так что непонятно было, собрание у них здесь производственное какое или все-таки ужин.

Еще одна группа уже из семи мужчин заняла два столика в самом центре ресторана, придвинув их поближе друг к другу. Мужички явно настраивались на долгие посиделки под горячительные напитки, громко шутили, смеялись хором над своими шутками, уже достигнув состояния радостной раскрепощенности, но, судя по количеству выставленного на столе спиртного, с хорошей динамикой, обещавшей в конце полную потерю ориентиров.

Большинство же гостей ресторана спокойно ужинали, общались и вели тихие застольные беседы. И она тоже влилась в ряды этого большинства, быстро сделав заказ подошедшему официанту, и с удовольствием принялась за еду, продолжая вести свои интересные наблюдения.

А вот парочка за столом недалеко от того, за которым устроилась Настя в одиночестве, удивила настолько, что она почти беспардонно принялась их рассматривать с большим познавательным интересом.

Настя была уверена, что такой типаж, как эта женщина, давным-давно не существует в природе, сам собой растворившись в новых модных веяниях еще в годах эдак девяностых, ан нет, оказалось, есть еще яркие индивидуумы, не убиваемые никаким давлением модных тенденций.

Высокая, крупная, но не толстая, а такая «сбитая», крепенькая дама неопределенных после тридцати пяти лет, мягко скажем так, девушка явно пожившая, с низким декольте на платье с леопардовым принтом в облипочку, плотно затянувшим тело в нечто до состояния колбасы «Вязанка» с выпирающими из сетки бочками, с весьма ярким и тяжелым макияжем, в своеобразной, специфической прическе – длинные блондинистые до желтизны волосы ниже лопаток в мелких спиральках химической завивки типа вермишели «доширак».

Полную законченность образу придавали массивные золотые украшения, развешанные по всему фасаду.

Да, красота! Насте очень понравилась.

И тетка такая живая, удалая, явно заводная по характеру, хохочет, откидывая голову назад, над всеми подряд шутками сидящего с ней за столом и явно заигрывающего от всей своей мужской лихости кавалера.

Кстати, кавалер тоже весьма колоритен. Типаж – супер!

Мужичок около сорока, молодящийся и понтующийся в прикиде а-ля поход любой сложности и назначения – брюки типа милитари со множеством карманов, рыжие ботинки с высокими бортами, белоснежная футболка и поверх нее жилет со всякими карманами-приспособлениями для охоты и рыбалки. Эдакий бывалый человек леса, охотник. И при всей этой экипировке все на месте – явно наметившийся животик, тяжеловатый задок и прическа в стиле «Василиса атомного апокалипсиса».

В том смысле, что Василиса-краса длинная коса. Это когда имеется лысина, обрамленная остатками длинных волос, схваченных резинкой в жиденький хвостик.

Им было хорошо и интересно вместе – они явно только недавно познакомились и полностью погрузились в завлекательные межполовые игры, строили глазки друг другу, шутили, хохотали и были более чем довольны происходящим, выпивали под это дело и закусывали.

И слава богу, и все им в помощь!

И в конце концов, как сказал Жванецкий: «Каждый мужчина носит в себе чье-то счастье». Может, вот этот конкретный «Василис» носит в себе счастье именно этой крупной дамы.

И Настя, почувствовав неожиданное смущение и неудобство душевное, пожурела себя за скепсис и иронию, с которой рассматривала их и мысленно раздавала оценки, подбирала эпитеты – люди как люди.

Вот такие, вполне возможно, даже очень замечательные.

Просто ей всегда было интересно наблюдать за людьми, за их поведением, манерами, жестами – оправдалась она, испытывая легкое чувство вины.

Тут из компании мужиков в центре ресторана поднялся один и под громкие подбадривающие выкрики друзей направился в ее сторону.

Делегат, поняла Настасья и вся подобралась.

Вот совершенно точно было понятно, что идет он конкретно к ней, и она даже знала зачем. Впрочем, второе было настолько очевидным, что гадать и не приходилось.

– Девушка, – оперевшись о спинку соседнего стула и обдав ее стойким запахом спиртного, подкрепленного закуской, в состав которой явно входил чеснок, обратился он к ней с заигрывающими интонациями в голосе, – присоединяйтесь к нашей компании. Мы хорошие ребята и вас не обидим. А то смотрим, сидит такая красавица и в одиночестве.

Мужик был фигуристый, поджарый и даже где-то интересный внешне. Лет за сорок и явно не простой работяга, что-то начальственное в нем считывалось

однозначно.

– Благодарю вас, – заулыбалась ему самым радостным образом Настасья и сделала расстроенное лицо, – но, к сожалению, у меня срочная работа, и я вынуждена вам отказать.

– Какая работа, милая девушка! – возмутился мужик. – Метель, самолеты не летают. Мы все здесь застряли...

– Вас как зовут? – добросердечно спросила Настя, перебив его.

– Константин.

– А по батюшке?

– Ох! – даже испугался тот, – давайте без батюшки.

– Хорошо, без батюшки, – приняла Настя. – Константин, вы ведь понимаете, что такое работа, которая приносит единственный доход. Вот у меня такая. И если я ее не сделаю, то потеряю очень много денег. Так что, извините, но вынуждена отказать от вашего предложения, – и развела руками, выражая безнадежную покорность перед натиском обстоятельств. – Пойду засяду за компьютер.

Поднялась с места, кивнула ему, прощаясь, и, стараясь не спешить, двинулась в сторону выхода из ресторана.

Настя никогда не хамила таким вот подкатывающим кавалерам, по печальному опыту своей хорошей знакомой зная, что это может быть сильно небезопасно и иметь очень неприятные последствия. Особенно когда мужчина под градусом, да еще и на виду компании выпивших не меньше него друзей, делегирующих его показать свою удаль и подбадривающих добровольца с мест.

Ладно, перекусили, и на самом деле пора возвращаться к работе, размышляла она, расплачиваясь с официантом, которого остановила по пути к выходу из ресторана.

Вскоре она настолько погрузилась в работу, что несколько часов пролетели совершенно незамеченными, и о том, что пора бы уже иметь совесть перед собственным организмом и спать-почивать, ей напомнил будильничек ровно в полночь.

И сразу обнаружилось, как сильно она устала и спать хочет ужасно, и, поругивая себя за то, что не выставила время на будильнике хотя бы часов на десять, Настя поплелась умываться. А перед сном глянула в оконце и обомлела – задувало там всерьез, крутило, вертело снежными вихрями так, что рамы потрескивали от напора.

«Ужас какой-то!» – почти восхитилась Настя и, быстренько забравшись в кровать под теплое одеяло, практически сразу уснула.

Под утро Вольскому приснилось что-то удивительно приятное, постепенно превращавшееся в горячо эротическое, тревожащее, будоражащее и вызывающее острое желание.

Он и проснулся, продолжая испытывать это приятное горячее желание, и подивился своей живости, обнаружив стойкую утреннюю эрекцию.

Ну вот и здрасте! Отдохнул так отдохнул, ничего не скажешь!

Собственно, чтобы успокоиться, вариантов имелось два – контрастный душ или известный от начала времен мужской способ. Имелся еще и третий, куда как более приятней первых двух – женщина в постели, но за неимением таковой в данный момент приходилось выбирать из реально возможных.

Он выбрал душ.

Стоял под контрастными горяче-холодными хлесткими струями воды и думал о девушке Насте, и улыбался своим мыслям и воспоминаниям.

Он заметил ее сразу, когда она, осторожненько ступая и везя за собой стильный небольшой чемоданчик на колесиках, пробиралась между рядов кресел в его сторону, старательно обходя багаж, наваленный в проходе, людей, чьи-то вытянутые вперед ноги, детей, играющих тут же.

Невысокая, стройная, но не худышка, длинные светло-русые волосы пшеничного цвета, собранные в хвост. В распахнутой тонкой дубленочке ниже колен, подбитой серым мехом, в сапожках на низком каблуке и – что особенно его поразило – в платье. Сейчас встретить женщину не в джинсах или брюках большая редкость, а чтобы еще и в дороге – переезды-перелеты, так и вовсе чудо из чудес. А вот эта девушка была в симпатичном платье серо-синих оттенков.

Почему-то он сразу понял, что направляется она именно к нему, нацелясь на свободное кресло рядом, и поглядывал с удовольствием на девушку, прячась в поднятом воротнике и маскируясь под спящего пассажира.

Смотрел на нее и думал:

«Какая девочка! Ах ты ж, господи, какая девочка!»

Вблизи она оказалась еще лучше, чем издалека, но толком рассмотреть ее все никак не удавалось – приходилось изображать глубокий сон.

Максим мысленно похохатывал, стараясь ничем не выдать своего веселья, наблюдая и слушая, как она стаскивает его багаж с сиденья, и чуть не выдал себя окончательно, еле сдержавшись, чтобы не рассмеяться в голос, когда она, тихонько сопя от усердия, толкала его баул ножкой от себя подальше.

Нет, ну просто замечательная девушка!

Он сразу понял и определил, что непременно приударит за ней. И всерьез так приударит! И поухаживает со значением. И, скорее всего, времени для этого у него будет предостаточно, потому как ему лично было абсолютно очевидно, что уже никто никуда сегодня из этого аэропорта не полетит.

А когда он «проснулся» и смог разглядеть ее детально и подробно, то словно хороший такой хук в солнечное сплетение получил, и сердце ёкнуло, стукнуло, и что-то такое с ним сделалось непонятное.

У нее была гладкая, бархатистая кожа лица, немного курносый носик, упрямый круглый подбородочек, и она глядела на него темно-синими, какими-то васильковыми глазами, в которых первый невольный испуг от его «пробуждения» и словесного нахрапа сменился вдруг смешливыми искорками и задором.

Вот точно, именно – девчоночьим, неподдельным, настоящим озорным задором.

А потом она запрокинула голову и рассмеялась...

Душ здорово взбодрил.

Вот и хорошо, а то он, как груздь соленый, был в расслабленно-дурном состоянии, которое наступает, когда сильно переспешь.

А он и переспал. Проснулся вчера вечером около девяти – ужинать уже поздно, хотя можно было бы заказать что-то в номер, да и в ресторан спуститься, но чувствовал он себя помятым, вялым, невымытым и все еще сонливым и уставшим. Да и есть не хотелось.

Первым делом подумал было пойти к Насте, а если она не в номере, то найти в гостинице, но сразу же отменил эту идею – в таком помятом состоянии какие девушки – только позориться и зевать. Послонулся по номеру с полчаса, включил телик, тупо посмотрел, так и не поняв, что смотрит, выключил и завалился снова в кровать досыпать уж до упора.

После душа было долгое неторопливое бритье, не мешавшее ему тихо плавиться в приятных воспоминаниях про первую встречу и знакомство с Анастасией Юрьевной.

Ну что? Пора будить девушку Анастасию и приступать уже к плану всестороннего ухаживания.

Она выключила фен и услышала настойчивый и серьезный такой стук в дверь – колотить пока еще не колотили, но стучали явно тревожно.

– Что? – распахнув дверь, торопливо спросила Настасья.

И осеклась, обнаружив на пороге господина Вольского, и уставилась на него, едва не открыв рот.

За ночь он как-то сильно преобразился, конечно, не до ипостаси прекрасного принца из «Щелкунчика», но довольно близко к столь серьезному уровню трансформации.

– Это вы? – ошарашенно спросила Настена.

– Это я, – уверил он на полном серьезе. – Так сказать, улучшенной модификации. Сон, отдых, душ и бритье иногда творят чудеса с мужчинами.

Ну-у-у, если честно, то окончательно и кардинально улучшить внешность Максима Романовича можно было бы, пожалуй, только посредством тотальной пластической хирургии или родив заново. Но в общем и целом выглядел он определенно намного лучше прежнего.

По крайней мере назвать его лицо откровенно бандитской рожей уже решительно было невозможно, правда и причислить к писанным красавцам никак не получалось – все же криминальный налет в несколько суровых чертах лица определенно просматривался, потому как никаким душем и бритьем убрать с лица такие детали, как борцовские уши, перебитый нос и шрам на брови при всем желании не получилось бы. Хотя сейчас, надо признать, все эти детали в совокупности добавляли его внешности скорее благородство пожившего мужчины с намеком на бурное прошлое.

Эдакий браток на пенсии с почти добрыми глазами.

– А что вы не открывали? – с намеком на легкое возмущение поинтересовался Максим Романович. – Я тарабаню уже минут пять.

– Я сушила волосы феном, – объяснила Настя и спросила: – А что, я как-то обязана открывать всем, кто стучит?

– Не обязаны, конечно, но мне лучше открывать, чтобы я не нервничал, – как нечто само собой разумеющееся заявил господин Вольский.

- Да чего вам нервничать? - слегка возмутилась Настя.

- Идемте завтракать, - не ответил он на ее вопрос.

- Завтракать можно и одному, как и обедать, и ужинать, совершенно не обязательно для этого тарбанить в дверь к соседям, - напомнила Настя.

- Можно, - кивнул он. - Но я предпочту делать это в компании красивой девушки.

- Тогда вам точно не ко мне, - заверила его Настасья, улыбаясь, словно выиграла в лотерею, всученную почти насильно в булочной на сдачу.

- Насть, - обратился он примирительным тоном, - давайте так, чтобы между нами не возникало недопонимания с самого начала: я собираюсь всячески за вами ухаживать и оказывать всевозможное внимание. Вы мне очень нравитесь, и я нахожу вас по-настоящему красивой и привлекательной девушкой, - и попросил, изобразив несчастное лицо: - Пошли завтракать. Есть хочется зверски.

Подумав и несколько секунд посверлив его изучающим взглядом, она легко рассмеялась и согласилась:

- Идемте! Я только переоденусь.

В номер он проходить не стал, чтобы не мешать ей одеваться, потоптался в коридоре, а когда она выскочила из дверей номера, Вольский снова почувствовал, как замерло сердце, а где-то в солнечном сплетении разлилось тепло, и он застыл на несколько мгновений, очарованно разглядывая ее.

На этот раз она была не в платье, но в юбочке!

Не в джинсах или брюках, а в широкой юбочке из какой-то летящей, легкой ткани, открывавшей ее прекрасные ножки, обутые в туфли без каблуков, а сверху тонкая такая штука с рукавами и вырезом на груди - фиг знает, как она у них, у женщин, называется, наверняка же как-то особенно, но шла она ей необычайно, обтягивая и демонстрируя все достоинства. А на боку у нее болталась маленькая сумочка на длинном ремешке, перекинутом наискось через

голову.

- Что-то не так у меня? – заметив его странный взгляд, быстренько осмотрела себя Настя.

- Нет, – хрипло ответил он и кашлянул: – Вы очень здорово выглядите.

- Спасибо, – лучезарно улыбнулась она его комплименту.

- Красавица, – добавил Вольский.

- Да бросьте вы, Максим Романович, – отмахнулась Настя и негромко рассмеялась. – Грубая лесть меня только расстраивает.

- Вам придется смириться, Настя, с тем, что я буду вам часто напоминать о том, что вы красивая девушка, – самым серьезным тоном предупредил он ее.

Практически все места в ресторане были заняты, им с трудом удалось рассмотреть в левом дальнем от входа углу возле стены только что освободившийся столик на двоих, который они и поспешили занять.

- Я как-то упустила из виду и забыла совсем, что люди здесь застряли из-за погоды, – призналась Настя, указав жестом руки на полный зал.

- Для большинства тех, кто собирался лететь, эта гостиница все же дороговата, – пояснил Вольский и, увидев официанта, махнул ему призывно и снова перевел взгляд на нее: – Местные жители по домам, понятное дело, разъехались, кто в пансионатах остановился, но большинство в «Паломнике».

Настя заказала себе два разных фруктовых смузи и чайничек любимейшего ягодно-травяного отвара. Вольский же заказал глазунью из четырех яиц, овощной салат, ржаной горячий хлеб местной выпечки и капучино.

Она смотрела, как он ест, полностью отдаваясь этому процессу, прикрывая глаза от удовольствия, иногда даже тихо урча и покручивая головой, как оголодавший кот, дорвавшийся до миски жирной сметаны, оставленной хозяйкой по недосмотру, и улыбалась, отчего-то умиляясь, чувствуя, как непонятное,

странное тепло растекается в груди.

Когда Максим Романович покончил с яичницей и салатом, утолив первый, самый неприятный голод, он отодвинул тарелки от себя, взял в руку кружку с капучино, откинулся на спинку стула и, посмотрев на нее довольным, «урчащим» взглядом, спросил:

– А чем вы занимаетесь, Настя? Кажется, Александра Николавна упоминала, что вы здесь в командировке?

Настя медленно глубоко вздохнула, выдохнула, не торопясь с ответом, обвела взглядом зал, заметила вчерашнюю парочку – Василису-красу длинную косу и леопардовую «этуаль» – звезда, звезда, не отнимешь, провинциального разлива. Правда, сегодня не в леопарде, а в насыщенно-розовом. Тоже ничего себе. Свежо.

Через два столика от них разместились та шумная группа из пяти человек, сегодня они не спорили, а тихо-мирно ели и, кажется, даже не разговаривали друг с другом. А вон и Гарик Тропа, даже помахал ей приветливо, заметив, что она его увидела. Махать в ответ Настя не стала, обошлась легкой улыбкой и кивком головы.

А вот еще один интересный новый типаж. Девушка. Вчера за ужином Настя ее не видела. Вряд ли она поселилась вечером, никакой транспорт временно не ходит, об этом несколько раз сообщали утром по местному телевидению, да и администрация вывесила объявление и в холле гостинице, и на своем сайте. Значит, девушка эта поселилась вместе со всеми, скорее всего, ужинала у себя в номере.

Не суть. Интересна она была совсем другим – сидела одна за столиком на четверых, явно не позволив никого к себе подсаживать, хотя людей было много. И выглядела совершенно однозначно столичной скандальной штучкой.

Это как-то сразу становилось ясно по многим признакам: по одежде, явно не по сезону легкой и слишком дорогой и стильной для небольшого северного городка, по новомодной прическе, по маникюру, по смартфону последнего поколения – да по всему.

На вид ей можно было бы дать и двадцать лет, и двадцать пять, и заподозрить тридцать. Ее вполне можно было бы назвать изысканно привлекательной, если бы не портившее всю эту столичную красоту выражение глубокого брезгливого усталого недовольства всем вокруг, что выдавало в ней склонность к скандальности.

Настя задержалась на девушке взглядом, рассматривая незнакомку, и Максим Романович, повернув голову, проследил за ее направлением взгляда, но отвернулся, не заинтересовавшись барышней, и напомнил о себе:

– Я озадачил вас вопросом? Или вы занимаетесь чем-то трудным и секретным?

– Я садовод, – ответила Настена, прервав свое затянувшееся молчание. И еще разок заранее вздохнула, совершенно точно зная, что последует дальше.

– В том смысле, что разводите сады? – приподнял он брови, откровенно удивившись. – Дачница, что ли?

– Удачница, – буркнула в ответ Настя.

Вот поэтому она старалась избегать разговоров о своей профессии с незнакомыми или малознакомыми людьми.

Почему все так стандартно ограниченно мыслят какими-то тупыми стереотипами: если садовод, то непременно мужик в рваной соломенной шляпе, поливающий на своем участке из железной лейки тщедушную яблоньку и попой в выгоревших семейных труселях к солнцу с утра до ночи пропалывающий грядки.

– Я что-то не так сказал? – Вольский даже выпрямился, заподозрив, что чем-то обидел девушку.

– Не так, – спокойно подтвердила она и принялась разъяснять: – Садовод – это профессия такая. Не дачник-любитель, а именно профессия, как агроном или врач. И да, я действительно, как вы выразились, развожу сады. Хотя это настолько примитивное высказывание, что даже как-то неловко за вас, Максим Романович, – не удержавшись, попеняла она ему.

– Не сердчайте, Настенька, – поспешно повинулся он. – Я ж говорил: мужик я простой, темный, как тундра, куртуазностям всяким и культуре с манерами не обучен.

А она посмотрела, посмотрела на него и вдруг расхохоталась, как тогда в аэропорту – звонко, задорно, чуть откинув голову назад. А у него внезапно изменилось лицо, и взгляд стал непонятный, странный, загадочный.

Он смотрел так...

А через пару секунд снова изменился в лице, словно переключил себя, и легко рассмеялся вместе с ней.

– Не переживайте, – продолжая посмеиваться, махнула ладошкой Настя. – Эту ошибку совершают все подряд, даже очень куртуазные и обученные всяческой культуре. Садовод – это профессия, еще я биотехнолог, – и посоветовала весело: – Даже не спрашивайте!

– Не буду! – пообещал он, изобразив испуг на лице.

– Я занимаюсь выведением новых сортов фруктовых деревьев, скрещиванием разных видов деревьев, выведением новых сортов некоторых ягодных кустов и кое-каких овощных культур, – принялась объяснять Настасья.

– Слушайте, – горячо и заинтересованно спросил Максим Романович. – Это же, наверное, жутко здорово и интересно.

– И очень хлопотно, – дополнила Настя.

– А что за командировка у вас тут такая? – расспрашивал Вольский с искренним любопытством. – Фруктовые деревья – это же где-то в тепле, как мне кажется, на юге, ну, в средней полосе?

– Не совсем. У вас в Якутии много чего замечательно растет, в том числе и фрукты. У вас и арбузы, и дыни выращивают на грунте, небольшие, но сладкие. Вы наверняка как пилот знаете, что солнечных дней в году в Якутии больше, чем, скажем, даже в Сочи.

– Знаю, – подтвердил он, но возразил, напомнив: – Но у нас морозы, на Севере – полярные ночи и дни, зима восемь месяцев.

– Вот именно этим я и занимаюсь, – подхватила его тон Настя. – Вывожу сорта деревьев, приспособленных к продолжительной зиме, к сильным морозам, вечной мерзлоте и условиям Севера.

– И что, получается? – прямо-таки светился неподдельным интересом Максим Романович.

– Получается, – улыбнулась она радостно. – Именно поэтому я и прилетела сюда. Вообще я работаю в Новосибирском исследовательском институте, в котором и занимаюсь научной деятельностью и выведением новых сортов.

– То есть вы ученый? – уточнил Максим.

– Я ученый, – снова подтвердила Анастасия. – Кандидат сельскохозяйственных наук. Может, еще и докторскую защиту со своими новыми сортами, как только мы получим плоды, – и взгрустнула, вспомнив о разбушевавшемся циклоне. – Если получим, разумеется.

– Получите обязательно! – горячо уверил Максим Романович. – Вот обязательно получите, сто пудов! Что за дела такие, чтобы не получить?

– Спасибо! – улыбнулась она ему благодарно и продолжила: – Так вот. Вырастила я новые сорта нескольких ягодных и фруктовых культур по разработанной мной новой технологии. И для того, чтобы провести проверку их морозоустойчивости в естественных условиях Севера, я и прилетела в Якутский институт растениеводства и селекции на их научную станцию под Якутском, где мы и высадили часть саженцев из тех, что я привезла с собой. А остальные я для полноты эксперимента развезла по трем городам, находящимся в разных точках республики, где их высадят мои добровольные помощники садоводы-любители, люди, увлеченные этим делом и относящиеся к нему с большой любовью и ответственностью. Последний город вот этот, здесь проживает замечательная женщина Валерия Яковлевна Иванцова. – И печально вздохнула. – По всем правилам садоводства саженцы положено сажать в грунт осенью, но в Якутии особые условия, и высаживают деревца и пересаживают весной, чтобы сразу после посадок они не «уходили» под мороз и снег на зимовку. А тут такая

метель. А ведь саженцы и так перенесли нелегкие перелеты, тряску, смену климата. И зима, как назло, в этом году затяжная, снежная и холодная. А тут и вовсе никак весна не наступит. – Она помолчала и неожиданно разоткровенничалась, непонятно отчего поделившись с ним своей тревогой: – Знаете, я ведь очень хорошие яблоньки вывела. Такие славные. Небольшие, но очень сладкие, с насыщенным вкусом и еще необычайно ароматные. Терпеливые яблоньки, к многим трудностям устойчивые. Симпатичные. Их бы сейчас обиходить с нежностью, а они, бедные, терпеть вынуждены, пока эта карусель успокоится. И я ужасно переживаю, как они все это перенесут.

Он смотрел на нее прямо, серьезным задумчивым взглядом.

Опять он на нее смотрел.

Но продолжалось это всего несколько секунд. После чего Вольский протянул через стол руку, осторожно пожал ее пальцы и твердо уверил:

– Все будет хорошо. Обязательно.

– Я надеюсь, – ответила она.

– А знаете что, – вдруг предложил он, продолжая держать ее ладонь, – давайте устроимся в лобби-баре в холле, там у них очень уютно и диваны-кресла удобные, закажем кофе и вина, если захотим, и вы мне расскажете поподробней о своих яблонях и работе.

– Вам что, это интересно? – с удивлением посмотрела она на него.

– Очень, – уверил он с самым решительным и серьезным видом.

– Ну давайте, – с большим сомнением согласилась Настя и выдвинула свое условие: – Только тогда и вы мне расскажете о своей работе.

– А вам что, это интересно? – усмехнувшись, переадресовал он ей ее же вопрос.

– Очень, – заулыбалась Настена в ответ.

Вольский призывно махнул рукой официанту, торопясь расплатиться, и Настя тут же вспомнила о том, что намеревалась обязательно осадить повадившегося платить за нее Максима Романовича.

– Максим Романович, мне не нравится, что вы уже дважды расплатились за меня. Это неправильно, – с независимым видом заявила она.

– Насть, – отмел он все ее возражения четким мужским безапелляционным тоном, – это нормально, что мужчина платит, когда приглашает девушку в ресторан, в кино, в театр, да везде, где бывает с ней. Это нормально, – повторил он с нажимом и расстановкой. – И естественно. Неестественно и ненормально иное поведение. Для меня так. И так и будет всегда. К тому же напомним, что вы не в своей столице.

– Почему вы решили, что столица моя? – удивилась она.

– Потому что вы из Москвы, – уверено хмыкнул Вольский.

– Вообще-то я прилетела из Новосибирска, работаю и живу там, – напонила Настя.

– Не больше пяти лет, – уточнил Максим Романович и пояснил: – Это видно. Как видно и то, что вы москвичка. Север, он меняет людей, но не сразу. Лет за пять привычки к Северу еще не выработаются, только кое-какие необходимые навыки безопасности и жизни, а вот уже через десять лет другое дело. А у вас ни привычки, ни навыков пока нет.

– Это да, – вздохнув, призналась Настя. – Я действительно из Москвы в Новосибирск приехала четыре года назад, вернее не совсем из Москвы.

– Вот вы мне сейчас про все это и расскажете, – бодрым тоном распорядился господин Вольский и принялся рассчитывать с подошедшим официантом.

Настя по привычке сунулась в сумочку за кошельком, но нарвалась на предупреждающий взгляд Вольского и лишь бессильно махнула рукой – ну настаивает, и ладно. Пусть сам платит.

Между прочим, приятно. Вот честное слово. За вас давно платили мужчины? Вот то-то же.

Такое давно забытое чувство, когда мужчина берет хотя бы такую ответственность на себя, от которого она, не упомнишь когда, отвыкла. На самом деле все мужчины, с которыми пересекалась Настя последние годы: коллеги, знакомые, друзья и даже ухажеры – по умолчанию везде расплачивались сами за себя; даже когда был один чек на двоих – мужчины проверяли чек, складывали в голове цифирки и выкладывали купюры только за себя или платили карточкой, а после оглашали, сколько ему должна отдать девушка. Так повелось, так отчего-то стало привычно.

Как там сказала одна феминистка? «Войну полов женщины выиграли, теперь кормят и содержат пленных».

Вот так. Все просто.

Только вот не с этим мужчиной, обладающим внешностью облагороженного мафиози.

В лобби-баре и на самом деле были удивительно удобные, мягкие кожаные диваны и кресла, при этом довольно высокие, так что не приходилось низко сидеть и наклоняться к кофейному столику между своих колен, а после выбираться из их нутра, как из ямы.

От любых напитков Настя отказалась, потому что и так уже напилась и смузи, и отвара и чувствовала себя заполненным доверху сосудом.

Вольский же заказал себе еще чашку капучино. И развернувшись боком на нешироком диване на двоих так, чтобы лучше видеть Настасью, поерзал, устраиваясь поудобней, и приступил к расспросам:

– Ну, расскажите мне, как вы вообще решили выбрать себе такую неожиданную профессию?

– Максим Романович... – начала было говорить она, но он перебил:

– Давайте, Настя, перестанем тревожить моего батюшку. Обращайтесь ко мне по имени. Договорились? – мягко потребовал он.

И этот про батюшку! То Константин вчерашний, теперь герой-вертолетчик! Что ж они батюшек своих не беспокоят излишне-то, фамиллярность предпочитая? Настасья посмотрела на него долгим изучающим взглядом и неожиданно спросила:

– Максим Романович, сколько вам лет?

– Сорок, – коротко ответил он.

– А мне тридцать, – сообщила она и пояснила: – Мы с вами мало знакомы, и вы старше на десять лет, мне неудобно обращаться к вам по имени.

– Это очень замечательно, что на десять! – произнес с воодушевлением Вольский, обрадовавшись непонятно по какой причине.

– Почему? – подивилась Настена.

– Мне казалось, вам не больше двадцати пяти. Да и выглядите вы совсем девчонкой, – объяснял он в полной уверенности, что она его отлично понимает. – Пятнадцать лет разницы, конечно, не критично, но уже ощутимо. Другое поколение. А так нормально: когда вам было десять, это уже осознанный, почти взрослый человек, и вы помните все, что происходило в те годы, как и чем жила страна. А мне в то время было двадцать. Да и хорошо: вы будете всегда молодой, а мне придется держать форму, чтобы соответствовать.

– Это вы вообще сейчас про что, Максим Романович? – недоумевая, осторожно поинтересовалась Настена.

– О жизни вообще. Рассуждаю, – спокойненько так ответил он, как о чем-то само собой разумеющемся, и перескочил на иную тему: – Расскажите, Настя, мне про свои яблоньки.

И она начала рассказывать.

Помолчала немного, внимательно рассматривая его, а потом как-то неохотно, с натугой начала перечислять какие-то общие сведения и неожиданно вдруг увлеклась, ощутив истинный, неподдельный интерес, который он проявлял к ее рассказу.

И, погрузившись в тему, вспомнила с самого начала, как стала еще до Новосибирска разрабатывать и придумывать новый сорт на основе дикоросов, как из-за этого пришлось переехать в Новосибирск, в условия, близкие к тем, в которых придется его культивировать.

Он слушал внимательно, задавал много уточняющих вопросов, а она загорелась, покраснелась, вдохновилась.

И он смотрел на нее, погружаясь в ее мир и в ее увлеченность, и сердце у него в груди как-то странно трепыхалось.

– Простите, что беспокою.

Неожиданно раздался мужской приятный голос, обратившийся к ним подчеркнуто мягко и уважительно. Вольский с Настей, захваченные беседой, и не заметили, как к ним кто-то подошел, и разом повернули головы. Говоривший оказался мужчиной среднего возраста, коренной национальности, облаченный в темный костюм хорошей фирмы и белую рубашку без галстука. Крепкий такой дядька, подтянутый, строгий, с непростым цепким взглядом.

– Максим Романович, – обратился он к Вольскому, чуть кивнув уважительно Насте. – Есть одно дело к вам. Вернее просьба.

– Олег... – протянул, вспоминая, Вольский.

– Борисович, – напомнил мужчина.

– Точно, – коротко улыбнулся ему Максим. – Я вас помню.

– И все же представляюсь, – светски любезно улыбнулся в ответ мужчина. – Тимирдяев Олег Борисович. Начальник службы безопасности этой гостиницы. – И спросил, указав рукой на кресло: – Разрешите?

– Конечно, – гостеприимно развел руками Вольский и предложил: – Что-нибудь выпьете?

– Нет, благодарю, – отказался Олег Борисович, устроившись в кресле и кинув быстрый, но вполне красноречивый взгляд на Настю, повторился: – У нас тут одна проблема возникла, нужна ваша помощь.

– Вы смело можете излагать все при Анастасии Юрьевне, – произнес Вольский тоном, исключая возражения.

Что-то из молчаливой декларации. «Она со мной, под моим покровительством, как-то так – извечные мальчуковые дела и игры в авторитеты», – отчего-то весело подумала Настя.

– Хорошо, – принял предложенный расклад Тимирдяев и, задумавшись буквально на пару минут, кивнул головой: – Так даже лучше, наверное, будет. – И, вздохнув, приступил к изложению просьбы. – Тут такое дело, – посмотрел он в глаза Вольскому. – У нас пропал один гость.

– Фигасе, – неинтеллигентно прокомментировал столь сильное заявление Максим Романович. – Что значит – пропал?

– Да вот то и значит, – перешел на доверительный тон безопасник. Расстегнул пуговицу пиджака и скорбно вздохнул. – Вчера, как и большинство постояльцев, приехал из аэропорта, заселился в люкс, выпил чашку эспрессо в ресторане и удалился в номер.

– Это такой импозантный мужчина? – уточнила Настя. – Эдуард Олегович?

– Да, – подтвердил Олег Борисович, посмотрев на нее вопросительно.

– Он вчера сел за соседний с моим столик в ресторане, и мы немного поговорили. Он представился, фамилия, кажется, Кипрелов, если не ошибаюсь, – разъяснила свою осведомленность Настя.

– Не ошибаетесь. Кипрелов, – подтвердил безопасник и продолжал рассказывать: – Утром горничная пришла в VIP убирать и менять белье, таблички

«Не беспокоить» не было, она постучала, как положено, ответа не дождалась, открыла и вошла в номер. Постояльца в номере не оказалось. Постель не тронута, и на ней явно никто не спал. Вроде бы нечему удивляться, мало ли где и с кем проводит время постоялец. Это его право. Да только из-за метели, перешедшей в бурю, из гостиницы никого не выпускают, мы даже двери заперли, чтобы ветром не сорвало и не распахнуло, да и невозможно при такой буре выйти. Горничная, девушка сообразительная и разумная, сразу поняла, что что-то не так с этим гостем. По логике, если у него какой-то амур тут образовался, то женщину лучше привести в люкс, чем самому идти в обычный номер. А господин этот из тех, кто своим комфортом дорожит. Зина на всякий случай убирать не стала, а пришла ко мне и сообщила об отсутствии гостя. Мы с ребятами посмотрели записи видеонаблюдения. После оформления он зашел в номер, потом портье доставил его вещи и ушел, чуть позже вышел сам гость и отправился в ресторан, а вот после ресторана он в свой номер уже не возвращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/belosnezhnyy-roman>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)